

СЕРГЕЙ
ЧАПНИН

ЦЕРКОВНОЕ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ИТОГИ

«Взгляд изнутри на то,
как Русская церковь стала церковью
империи, чем все это закончится,
и что это означает для всех нас»

Константин Эггерт,
журналист

Сергей Чапнин

Церковное возрождение. Итоги

«ЭКСМО»

2018

УДК 281.93
ББК 86.372

Чапнин С. В.

Церковное возрождение. Итоги / С. В. Чапнин — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094594-8

Эта книга – описание отдельных событий и процессов, происходящих внутри и вокруг сообщества, которое сегодня принято называть Русской Православной Церковью. Каковы характеристики того типа религиозности, который здесь поддерживается? Как соотносятся религиозные и идеологические установки в современном российском обществе? Что представляет собой руководство этого сообщества, именуемое торжественно и тяжеломерно священноначалием? Сергей Валерьевич Чапнин – российский журналист, издатель и общественный деятель; с 2009 по 2015 год ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии». Автор критических и порой довольно жестких публикаций в церковных и светских СМИ по актуальным проблемам государственно-церковных отношений и миссии Церкви в современном мире. Эта книга основана на самых ярких публикациях за 2012–2018 годы, отразивших все ключевые события в общественной, политической и церковной жизни, приведшие к тому, чем стала Церковь сегодня.

УДК 281.93

ББК 86.372

ISBN 978-5-04-094594-8

© Чапнин С. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
«Церковь империи» как итог «церковного возрождения»	7
I. На канонической территории	13
Недобрый голос Церкви	13
Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые	16
Газ, бензин и духовные скрепы	24
Ложный триумф патриарха. Что показал Архиерейский Собор РПЦ	27
II. За пределами империи	31
Как РПЦ демонтирует церковное наследие русской эмиграции	31
Случайная встреча в Гаване. Зачем патриарх обнимался с папой римским?	37
Два года после Гаваны	39
Святой и Великий Собор: победа или поражение?	42
III. Медиа	48
Три огня	48
Проповедь и поклонение в информационном обществе (Пророк Иона и путь волхвов)	53
Непорочная информация	59
IV. Письма	61
Не бояться говорить о боли сердца	61
Поросенков лог, «екатеринбургские останки». Письмо епископу N.	63
Трибуна свободной христианской мысли	69

Сергей Чапнин

Церковное возрождение. Итоги

Автор выражает благодарность Institut für die Wissenschaften vom Menschen за поддержку в исследовательской работе

Фото на обложке *Николая Штока*

© Чапнин С. В., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Сергей Чапнин (род. 1968, Москва) – главный редактор альманаха христианской культуры «Дары», председатель содружества «Артос». Ранее 15 лет работал в Русской Православной Церкви: руководил редакцией «Журнал Московской Патриархии», преподавал на богословском факультете Православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета, в качестве секретаря Комиссии Межсоборного присутствия РПЦ по взаимодействию Церкви, государства и общества, принимал участие в разработке официальных церковных документов.

«Новый поворот в истории Русской Православной Церкви связан с событиями 1988 – 2018 годов. Тонкий анализ Сергея Чапнина позволяет под неожиданным углом увидеть ключевые моменты этого процесса – отношение к советскому прошлому и к русскому зарубежью, к понятию «священная война», судьбе Критского Собора, мощам царственных страстотерпцев, роли церковного литургического искусства, личности патриарха. Желаящих глубже понять постсоветский период истории РПЦ не обойтись без почти пророческой книги этого автора».

Предисловие

Должен сразу предупредить: эта книга не про Церковь. В ней практически ничего не говорится о пути к Богу, молитве, личной вере и приходской жизни.

Это описание отдельных событий и процессов, происходящих внутри и вокруг сообщества, которое сегодня принято называть Русской Православной Церковью. Каковы характеристики того типа религиозности, который здесь поддерживается? Как соотносятся религиозные и идеологические установки в современном российском обществе? Что представляет собой руководство этого сообщества, именуемое торжественно и тяжеловесно священноначалием?

После краха Советского Союза Русская Православная Церковь совершила невероятный кульбит: избавившись от опеки советского государства, Церковь прошла довольно краткий период демократизации, окрепла и выросла, но в итоге вернулась в привычное положение подопечного, встроившись в государственную машину в качестве своего рода министерства идеологии и одновременно уже внутри себя формируя репрессивные механизмы по отношению к инакомыслящим и просто активным клирикам и мирянам.

Этот кульбит получил название *церковного возрождения*.

Не сомневаюсь, о нем еще будут написаны книги. Судьбы высших иерархов, православных олигархов и чекистов, старцев, церковных консерваторов, традиционалистов и либералов будут положены в основу приключенческих романов и интеллектуальных телесериалов. Со временем некоторые участники церковного возрождения будут причислены к лику святых и им будут написаны жития.

Различные этапы этого кульбита будут детально проанализированы и описаны. Возможно, некоторые ученые будут исследовать церковное возрождение исходя из представлений о *постсекулярном* обществе. Или же его будут рассматривать как этап в формировании новой *гражданской религии*. Возможно, через 10–15 лет европейские и японские политологи начнут изучать церковное возрождение как одну из предпосылок возникновения на территории России следующего государства, назовем его условно – Новая Евразия.

Но все это в будущем. А пока я предлагаю вниманию читателей отдельные статьи последних лет. Чаще всего они написаны как живой, непосредственный отклик на происходившие события, но в то же время это – попытка увидеть и описать тенденции.

Сергей Чапнин

«Церковь империи» как итог «церковного возрождения»

1

После крушения Советского Союза Россия вступила в затяжной кризис идентичности. Два пути были у России – или европейская демократия, или евразийская автократия. В начале 90-х выбор был сделан в пользу демократии. Общество двигалось «от» советской империи, отталкивалось от нее.

Говоря о прочной положительной самоидентификации России, Джеймс Биллингтон считал, что она будет возможна только в одном случае:

«Если русские окажутся способны гармонически сочетать западные политические и экономические институты с восстановлением религиозных и моральных институтов своей собственной культуры»².

В 90-е годы эта цель казалась вполне достижимой, и «церковное возрождение» принимало с внешней точки зрения демократические, а по существу подлинно канонические формы. Возникло широкое движение мирян, которое объединило многочисленные инициативы в разных регионах тогда еще Советского Союза. Уже осенью 1990 года это движение оформилось в Союз православных братств. Ряд епархий в государствах, получивших независимость после распада СССР (Эстония, Латвия, Молдова и др.), получил статус автономных церквей. Началось прославление новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в годы гонений.

Это был явный отказ от политики умолчания прежних лет. Всего несколькими годами ранее само упоминание гонений и имен пострадавших было небезопасно, не говоря уже об обсуждении канонизации тех, кто открыто обличал преступления советской власти. Медленно, во многом «на ощупь» возрождались приходская жизнь, религиозное образование и церковная благотворительность.

Церковь получила огромный кредит доверия у общества, а затем и у государства – как долгое время гонимое, но выжившее и сохранившееся вопреки жестоким преследованиям сообщество. Не только Православная Церковь в целом, но и буквально каждый священник, каждый человек в рясе получил огромный кредит доверия. В некотором смысле авторитет священника был тождественен авторитету Церкви, и многими это воспринималось вполне естественно.

На первом этапе концепции «церковного возрождения» – назовем ее «Церковное возрождение 1.0» – Церковь стала важной частью процесса идейного и культурного освобождения от советского прошлого. Очень многие обратили внимание на то, что, казалось, Церковь смогла сохранить: это была русская традиционная культура, но другая, не та, которая была всем известна, – не *советская*. Церковь привлекла к себе внимание даже тех, кто не интересовался вероучением и богослужением. Миллионы людей захотели приобщиться к этой культуре, но подавляющее большинство не понимало, как это сделать. Именно в этой растерянности большинства надо искать причины совершенно беспрецедентного уважения к православному духовенству. Для многих священники становились проводниками в непознанный мир «другой России».

Однако искомое/желаемое и действительное сильно различались. Церковь и особенно епископат к тому времени уже были вполне *советскими*. Высший епископат стал частью совет-

¹ Опубликовано «Страницы: Богословие. Культура. Образование». 21:2 (2017). С. 220–228.

² Биллингтон Д. Россия в поисках себя / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 224 с. С. 12.

ского истеблишмента, а священники, если соглашались строго ограничить свою деятельность совершением богослужений, получали в свое распоряжение огромные финансовые ресурсы. Даже после падения Советского Союза состояние «советской законсервированности» Церкви устраивало многих. Довольно долго сохранялись такие «дикие» традиции, как, например, категорический отказ священников причащать прихожан на Пасху, объясняя это традициями «русского благочестия». В виде исключения немногих избранных мужчин причащали в алтаре, а женщин – уже после завершения службы на клиросе.

У епископата не было своей программы церковного возрождения, а программа, формировавшаяся в среде активных мирян и духовенства, епископат тревожила и пугала. В этой активности епископы видели реальную угрозу и своей власти, и своим доходам. Стихийное развитие мирянского движения могло привести к формированию альтернативных, «внесистемных» центров церковной активности, и епископат, привыкший к жесткой иерархической вертикали, допустить этого никак не мог. К середине 90-х появились первые признаки того, что епископат решил не экспериментировать с новыми тенденциями – и по мере возможностей вернуть церковную жизнь в привычное для *советского времени* русло.

Уже в 1994 году Синод принял решение жестко регламентировать активность мирянских организаций (братств), подчинив их настоятелям приходов. Это оказалось эффективным средством борьбы – многие братства вскоре приняли решение о самороспуске, не желая вступать в конфликт с епископатом и еще не понимая, как можно строить свою жизнь в отрыве от церковной иерархии. А на низовом уровне деятельность братств во многом совпадала с приходской, поэтому в существовании двух параллельных структур не было никакого смысла.

Решение Синода носило очевидный запретительный характер.

В то же самое время начались характерные для советского идеологизированного сознания поиски «врагов» вовне и внутри Церкви. Внешними врагами были названы различные христианские церкви и конфессии, а также те православные, которые находятся с ними в активном диалоге. Внутренними врагами объявили приходские и катехизические практики общины (и братства) священника Георгия Кочеткова и те общины, которые вышли из круга убитого в 1990 году протоиерея Александра Меня. Их оппоненты, демонстрируя невежество в вопросах церковной истории, назвали это движение «неообновленчеством» и попытались заклеить его как антицерковное. Официального осуждения Церкви так и не удалось добиться – епископат решил промолчать, но с этого времени идет отсчет открытого противостояния внутри Церкви между «либералами» и «консерваторами».

При всей условности этих понятий в церковном контексте существенным оставалось то, что «либералы» размышляли о практике катехизации, роли богослужения в жизни общины, а «консерваторы» считали сложившиеся практики незыблемыми, не подлежащими обсуждению и главной своей задачей видели выход в общественно-политическое пространство и формирование «православной идеологии» на основе дореволюционных форм и практик.

Некоторое время баланс сил сохранялся. Епископат в целом в этом споре старался не занимать какой-либо отчетливой позиции. Во второй половине 90-х годов консерваторы объединились вокруг газеты Константина Душенова «Русь православная», авторы которой мыслили себя «хранителями веры» и жестко критиковали не только мирян и священников, но и епископов (одним из первых – нынешнего патриарха, а тогда митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) за «уклонение от православия» вплоть до обвинения их в ереси.

Содержание понятия «церковное возрождение» стало постепенно меняться после 2000 года, когда государство все более удалялось от демократической модели и приобретало сперва авторитарные, а затем и авторитарные черты. «Церковное возрождение» должно было приспособиться к этому развороту в государственной политике. Первый этап «церковного возрождения» завершился, когда работа с людьми отошла на второй план и главными задачами стали

институциональное развитие Церкви, эффективное взаимодействие с государством и поиск форм государственного финансирования, а именно:

1. Формирование новой идентичности через проповедь патриотизма и традиционных ценностей в согласии с внутренней и внешней политикой государства.

2. Получение государственных средств на строительство и реставрацию, а также грантов на «социально значимые» проекты.

3. Управление недвижимым имуществом.

4. Бюрократизация Церкви, создание различных структур на общецерковном, епархиальном и приходском уровнях, в большинстве случаев имитирующих реальную деятельность, но имеющих навык составления «правильных» отчетов.

В это время произошел и серьезный мировоззренческий перелом в сознании одной из ключевых фигур, определявших церковную политику этого времени. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), глава Отдела внешних церковных связей, долгие годы участвовавший в экуменическом диалоге, в начале 2000 года выступил с жесткой критикой либерализма, фактически предвосхитив будущую политику государства на четвертом сроке В. Путина:

*Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности – с другой*³.

Можно утверждать, что этот текст стал декларацией нового этапа – «Церковного возрождения 2.0», которое было призвано вернуть к жизни идеал «Церкви империи». Его главное содержание оказалось простым и понятным: Православная Церковь может развиваться только в тесном союзе с государством, обслуживая его идеологически, опираясь на его структуры, получая от него прямое и косвенное финансирование.

Надо сказать, что «Церковь империи» – это мощный и внятный архетип, прямо отсылающий к Византии и всему комплексу воззрений, связанных с «православной империей», «Третьим Римом». С одной стороны, эта концепция обладает большим мобилизационным потенциалом и удобно помещает Православную Церковь в систему постсоветского государственного управления на то единственное «свободное место», которое прежде занимала Коммунистическая партия. Это было понятно всем, даже чиновникам, далеким от Церкви. С другой стороны, эмоционально и идеологически этот архетип очень привлекателен для многих членов Церкви, как мирян, так и людей в священном сане, увлекающихся буквальными толкованиями идей «Святой Руси» и «Москвы – Третьего Рима».

Описывая современное состояние государственно-церковных отношений в России, Константин Харчев, бывший в 1984–1989 годах председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР, пишет:

*Государству нужно православие, нужна идеологическая машина Церкви. Для государства она служит «скрепой». Ведь другой идеологии, кроме духовно-политического охранительства, у государства нет*⁴.

«Новой империи» в равной степени необходимы и религия – как форма легитимизации недемократической власти, и советское прошлое – как мифологическое время великих героев (именно поэтому главным – *смыслообразующим* – праздником страны в последние годы стал День Победы). Именно поэтому министр культуры России Владимир Мединский может позволить себе такие крайне сомнительные с церковной точки зрения утверждения, как, например:

³ Кирилл, митр. Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни // Независимая газета, 16 февраля 2000. URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma.html (дата обращения 03.04.2018).

⁴ Харчев Константин. Гаванская ловушка для патриарха // НГ-Религии, 18 мая 2016. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2016-05-18/5_gavana.html (дата обращения 03.04.2018).

К эпическим советским героям – и к «молодогвардейцам», и к панфиловцам, и к Зое – надо относиться, как в Церкви относятся к канонизированным святым. Это моя человеческая и гражданская позиция⁵.

Министр культуры прекрасно знает, что «герои-панфиловцы» – это миф советской пропаганды, разоблаченный еще в 1949 году, а Зоя Космодемьянская выполняла преступное задание – сжигала крестьянские дома, оставляя зимой без крова не только солдат Вермахта, но прежде всего самих крестьян. Однако здесь историческая правда не имеет значения. Необходимо не только сохранить, но и развивать культ советских героев, вернуть их в основание современной российской идентичности. И попытка придать этим мифам сакральный характер в новых условиях опирается не только и не столько на традиции советского прошлого, сколько на соотнесение с традициями Православной Церкви. В ответ на эти спекуляции Церковь предпочитает промолчать, так как это утверждение полностью вписывается в доминирующий идеологический дискурс.

О том, что это не единичное высказывание, а продвигаемая государственными СМИ позиция, говорит и высказывание лидера «Ночных волков» Хирурга (Александра Залдостанова):

Мы обожествили Победу. Для нас Победа как Христос, а эта 30-миллионная жертва – это как жертва Христа во время противостояния ада с раем, добра со злом... мы узнали, что у нас городов-героев ровно 12, как и апостолов у Христа, среди них один предатель-Иуда – это Киев. И понятно, что Москва – это Богородица⁶.

Церковь снова промолчала и на эту риторику не отреагировала.

Более того, она тоже не уклоняется от выражения симпатий к советскому. С одной стороны, это выражение солидарности с государственной властью, а с другой – это признание того, что и в самой Церкви просоветские настроения очень сильны. Последнее вполне объяснимо.

«Церковное возрождение 1.0» не смогло решить первостепенные церковные задачи: массовое крещение 90-х практически не подготовило людей к сознательному участию в церковной жизни. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные социологические опросы. Так, по данным «Pew Research» 71 % граждан России называет себя православными, однако только 6 % посещают богослужение еженедельно⁷. Звучат и критические оценки ситуации со стороны отдельных епископов. Показательны наблюдения епископа Смоленского и Вяземского (ныне – Орехово-Зуевского) Пантелеимона:

В начале 1990-х какой-то наплыв прихожан в храмы был... Люди тогда не приходили в Церковь, а «вламывались» в нее. К сожалению, задержались в ней немногие, и период активного внимания к церковной жизни и воцерковления сравнительно быстро закончился... Процент людей, которые в воскресенье приходят в храм, по моим подсчетам, не более 1 % от населения нашей страны⁸.

Необходимо упомянуть и о других важных последствиях помимо посещения храмов: советские люди приняли крещение, но не получили знаний об основах веры. Церковь приняла их такими, как есть, рассчитывая, что они воцеркуются сами, «естественным» путем. Но в подавляющем большинстве советские люди не испытывали никакой потребности измениться,

⁵ Роль истории в личности. Владимир Мединский о мифах и фактах // Российская газета – Неделя, № 6762 (191). 28 августа 2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/26/lichnost.html> (дата обращения 03.04.2018).

⁶ «Ночные волки» снова отправились из Москвы «на Берлин». ТАСС, 29 апреля 2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3249876> (дата обращения 03.04.2018).

⁷ Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. 10 may 2017. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения 03.04.2018).

⁸ Пантелеимон, еп. Смоленский и Вяземский. Люди помнят о Боге, но забыли о Христе // Журнал Московской Патриархии, № 10, 2012. С. 45.

они остались такими же, какими были... Но перемены все-таки произошли: эти «новые верующие» изменили под себя Церковь.

И в этой ситуации незаметно произошла очень существенная мутация. Главный призыв, который Церковь обращала как к отдельному человеку, так и к обществу в целом, долгое время звучал привлекательно: «Давайте сохранять традиции!», «Пренебрежение традициями очень опасно». Вроде бы речь идет о здоровом христианском консерватизме, однако в российском контексте надо сделать существенную оговорку: какие именно традиции мы имеем в виду?

Сегодня в России огромных нравственных и интеллектуальных усилий требует реальное стремление заглянуть *вглубь истории* – за Октябрьский переворот, за 1917 год, в историю Российской империи. Слишком много времени прошло, слишком много поколений сменилось, слишком многие носители традиций дореволюционной России были сознательно уничтожены. И обращение к церковным традициям XIX – начала XX веков неминуемо превращается в историческую реконструкцию, в любительский спектакль.

Из утверждения, что христианские традиции в России ушли из народной жизни, оказались в забвении, можно сделать два практических вывода:

1. Стоит начать поиск сохранившейся *живой* традиции.

2. Надо заложить основы для формирования новых традиций, соответствующих тем политическим, экономическим, социальным и культурным условиям, в которых мы живем.

Как христианину, мне это особенно горько признавать, но от лица *живой традиции* в России говорят только те, кто говорит о «советском». В этом главный секрет привлекательности всего того, что связано с Советским Союзом и коммунистическим прошлым – не только для пенсионеров, но и для молодежи. Нынешний багаж России – культурный, исторический, социальный, философский и религиозный – это не многообразие, а лишь одна живая традиция, которую все знают, помнят и могут передать своим детям. Это *советская традиция*. И ее триумфальное возвращение в последние годы и есть признание того, что ничего другого в России не осталось.

Таким образом, «Церковное возрождение 2.0» стало важным этапом формирования *постсоветской гражданской религии*, обеспечивающей идеологическую поддержку государству в консолидации нации. И это во многом предопределило те формы и идеологические конструкции, которые сегодня используются для описания модели развития государства и общества с религиозной точки зрения.

Протоиерей Андрей Ткачев прямо говорит о богоизбранности Владимира Путина, о «периоде расцвета народа Божьего» в годы его президентства и призывает молиться за него:

Бог подарил нам на период восстановления и укрепления нашей многострадальной, бедной и исплакавшейся Родины верховного главнокомандующего и Президента Российской Федерации по имени Владимир, по отчеству Владимирович, по известной фамилии. И нужно признать истину: это Божий человек... Мировая политика – это великая подлость. Подлей Америки трудно найти политическую систему; подлей современной Европы и гаже и ниже ее трудно что-нибудь придумать. Играя с этими подлецами лицом к лицу, здороваясь с ними, потом умывая руки, он играет и обыгрывает их – и молодец! И с ним помазание и благословение Господне⁹.

Первый заместитель Синодального отдела по взаимодействию с обществом и СМИ, доктор философских наук Александр Щипков прямо встает на защиту наследия коммунистического прошлого:

⁹ Ткачев Андрей, прот. Человек, который не мыслит себя вне своей страны. Почему надо молиться за Президента Владимира Путина? // Русская народная линия, 14 марта 2016. URL: http://ruskline.ru/opp/2016/mart/14/pochemu_nado_molitsya_za_prezidenta_vladimira_putina (дата обращения 03.04.2018).

*Мы видим, как тема декоммунизации используется нашими ближайшими соседями в целях дерусификации. Можем ли мы лить воду на эту идеологическую мельницу? Разумеется, нет, не можем. Поэтому мне кажется естественным принять временный мораторий на любую войну с политическими символами в России, какое бы происхождение они ни имели*¹⁰.

Однако, несмотря на то что Церковь делала акцент не на творческом усилии по освоению современной культуры, а на апелляции к прошлому, на реконструкции практик XVIII–XIX веков, многое сделано и для движения вперед. Историк Алексей Беглов признает: «Мы имеем дело не с механическим восстановлением когда-то утраченного, а с процессом инкультурации, с творческим процессом вхождения Церкви в современную – модерную и постмодерную – культуру России и всех стран постсоветского пространства». Другое дело, что найти верные слова для объяснения этого Церковь к началу XXI века не смогла.

«Церковное возрождение» завершилось. Это был маркер переходного периода, времени неопределенности. Православная интеллигенция пережила в эти годы романтический подъем и обращение к Церкви, а для клира и церковной иерархии эти годы стали временем тревог и опасностей. Выбор в пользу «Церкви империи» уже сделан, и церковные институты, соответствующие этой модели, сформированы. Это выбор стабильности, которую гарантирует только близость к государству и покровительство монарха или любого другого авторитарного правителя. Об этой близости клир и епископат читали в семинарских учебниках. Фактически это единственная модель отношений, о которой у них сложилось внятное представление. Новый этап истории православия в России можно так и назвать – *неоимперским* или, учитывая взаимопроникновение советских и православных традиций, *неосоветским*.

¹⁰ Щипков Александр. Необходим мораторий на любую войну с политическими символами в России // Интерфакс-религия, 16 марта 2017. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=221> (дата обращения 03.04.2018).

I. На канонической территории

Недобрый голос Церкви

11

Обличающий или угрожающий голос Православной Церкви в современной России можно услышать довольно часто. Властные, грубые, порой нелепые комментарии от ее имени перестали восприниматься как исключение. У одних это вызывает чувство солидарности, у других – раздражение, не так давно появилась новая реакция – смех. Для Церкви в секулярном обществе это довольно неожиданная стратегия, но, по всей видимости, православные убеждены, что за годы «церковного возрождения» и общество, и особенно государство уже удалось изменить в лучшую – постсекулярную – сторону.

Сразу следует уточнить: скандальные комментарии далеко не всегда санкционированы церковной иерархией. Наоборот, чаще всего это голоса отдельных священников и мирян. При этом довольно трудно в нескольких словах обозначить их административный статус или роль в церковной жизни.

Круг авторов эпатажных высказываний весьма широк, и общего у них, на первый взгляд, не так много.

Разобраться в происходящем можно, только обозначив контекст и генезис нынешних отношений Церкви и общества.

Четверть века, прошедшие с крушения Советского Союза, в самой Церкви принято называть эпохой «церковного возрождения». В начале 90-х не только священники, но и епископы сначала довольно робко, но потом всё смелее и смелее выходили за церковную ограду. Делали они это не всегда с удовольствием – в этой ограде Церковь спокойно и благополучно прожила последние десятилетия советской власти.

И, тем не менее, в 90-е Церковь пыталась найти не только язык, на котором можно говорить с постсоветским обществом, но и нащупать доверительную интонацию.

Это был долгий и трудный процесс, неудач и поражений было много. Первым среди тех, кто преуспел, следует назвать протоиерея Александра Меня, но он был убит в сентябре 1990 года.

Четверть века Русская Православная Церковь училась говорить с обществом. Не проповедовать, не утешать, а именно говорить. Следует признать, что результаты в итоге оказались довольно скромными, а амбиции и сегодня остаются большими. Масштаб церковных инициатив, обращенных к реальным проблемам людей (бедность, социальная незащищенность, алкоголизм, глубокий семейный кризис), невелик. Православный приход предельно зажат, задавлен современным церковным уставом. И он редко становится тем центром, где возникает живой диалог, разомкнутый к внешнему миру.

Гораздо быстрее церковная иерархия научилась говорить с государственными чиновниками.

Православие, дополненное патриотизмом, «русским миром», духовными скрепами и солидной финансовой поддержкой, постепенно превратилось в понятную идеологическую конструкцию. В некотором смысле чиновники этого ждали.

¹¹ Опубликовано в Газете. ру 18.02.2017. https://www.gazeta.ru/comments/2017/02/16_a_10529081.shtml

Так в последнее десятилетие в союзе с государством Церковь обрела покой и стабильность. И постепенно пришло осознание, что серьезный разговор с обществом на самом деле не нужен. Это сложно и по большому счету не имеет ясных перспектив.

Соответственно, пропало желание говорить на равных, уважительно. Точнее, оно оказалось вытеснено еще более сильным и жгучим желанием поучать, командовать и диктовать свои условия.

Новый тип коммуникации потребовал выдвинуть на первый план новые фигуры – жесткие, грубые, конфликтные. Так в жизнь Церкви вошли хамские окрики в стиле чиновников средней руки.

Один из последних примеров – резкий окрик протоиерея Александра Пелина в адрес директора Эрмитажа Михаила Пиотровского: «Вообще Михаилу Борисовичу, если он ратует за Исаакиевский собор как за исторический памятник, может быть, имеет смысл больше заниматься историческими традициями Эрмитажа как одного из лучших музеев мира, а не устраивать там провокационные выставки, подобные выставке Яна Фабра?»¹²

Молодой протоиерей, совсем недавно переехавший в Санкт-Петербург из Мордовии, не чувствует никакой дистанции. Он по умолчанию считает, что любые, даже разумные и логичные, предложения с целью как-то погасить конфликт вокруг Исаакиевского собора надо расценивать как «покушение» интеллигенции на авторитет Церкви. Наконец, мордовский протоиерей ясно дает понять, что не испытывает к собеседнику никакого уважения. И на приглашение к диалогу с целью погасить конфликт он отвечает намеренной эскалацией конфликта.

Пелин – не только священник, но и церковный функционер, он занимает должность председателя епархиального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. Исходя из его высказываний, название отдела безнадежно устарело. Его следует переименовать в отдел подчинения общества интересам Церкви.

Еще одна медийная фигура «нового типа» выросла в Санкт-Петербурге – это депутат Госдумы Виталий Милонов. Недавно он признался, что мечтает стать священником, но это не помешало ему публично заявить: «Христиане выжили, несмотря на то что предки Бориса Лазаревича Вишневого и Максима Львовича Резника (депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, которые выступают против передачи Исаакиевского собора Церкви. – С. Ч.) варили нас в котлах и отдавали на растерзание зверям»¹³. Антисемитский посыл в этих словах очевиден, равно как и вопиющая безграмотность: не евреи, а римляне преследовали христиан, порой не делая различий между евреями и христианами.

Конечно, на эти выступления Милонов не брал у патриарха благословения. Это его личная стратегия – бесконечные спекуляции на православии и защите традиционных ценностей.

И эта стратегия, где главным инструментом уже немало лет остается провокация, привела к поразительным результатам: именно благодаря ей Милонов пересел из кресла депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга в кресло депутата Государственной думы от «Единой России».

Еще более маргинальной фигурой можно назвать еще одного петербуржца – диакона Владимира Василика, доцента Санкт-Петербургского университета и преподавателя Сретенской духовной семинарии. После того как председатель Госдумы Вячеслав Володин поддержал идею закона о защите чести и достоинства президента России, он сразу же заявил, что всем без исключения критикам президента «будет уготовано место у параша»¹⁴.

¹² Петербургская епархия ответила гендиректору Эрмитажа по поводу Исаакиевского собора. https://www.gazeta.ru/culture/news/2017/01/26/n_9610091.shtml (дата обращения 31.03.2018).

¹³ Милонов: предки противников передачи Исаакия РПЦ «варили христиан в котлах». https://www.gazeta.ru/social/news/2017/02/12/n_9680783.shtml (дата обращения 31.03.2018).

¹⁴ В РПЦ пообещали подготовить для хулителей Путина место у параша. https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/02/15/n_9692813.shtml (дата обращения 31.03.2018).

Глубоко мифологизированное православное сознание стремится угадать в облике президента России черты византийского императора. Византийская симфония государственной и церковной власти видится как свершившийся факт.

Особый – сакральный – статус верховного правителя, получившего чуть ли не божественную санкцию на свое правление, нуждается в новой интерпретации применительно к современному законодательству. Именно честью и достоинством президент России обладает в превосходной степени по отношению ко всем прочим гражданам. Поэтому гражданам для защиты чести и достоинства вполне достаточно ст. 152 Гражданского кодекса, а президенту с той же целью необходим отдельный закон.

При этом православный священнослужитель вообще не видит смысла говорить о каком-либо человеческом достоинстве «пачкунов». «Кто хулит и “полощет” правителя страны, будь то царь, генеральный секретарь или президент, совершает хамов грех», так как «в своих истоках настоящая и реальная власть восходит к власти Отца».

«Язык вражды» православные используют, не только когда обращаются к политическим или общественно-политическим проблемам. Точно так же можно говорить и о межличностных отношениях, имитируя «пастырский подход».

Так поступает переехавший из Киева в Москву священник Андрей Ткачев. В последние годы он стал одним из самых успешных православных авторов, и его книги можно найти в любом православном магазине. Весной прошлого года, выступая перед православной молодежью, он заявил: «Нужно женщину ломать об колено, отбивать ей рога... гнуть ее, тереть ее, запихивать ее в стиральную машину. Делать с ней не знаю что. То есть мужчина должен обломать женщину на сто процентов! Превратить ее в настоящую женщину. Смыть с нее всю эту порнографическую краску, которая на нее нанесена современной цивилизацией»¹⁵.

Что же такое весь этот мрак – часть большой церковной политики или выступления на свой страх и риск?

Конечно, любой церковный чиновник скажет, что все это частная инициатива и к позиции Церкви никакого отношения не имеет. Но это лишь говорит о том, что ни церковная иерархия, ни церковная администрация не контролируют ситуацию.

Эти спикеры решительно и последовательно формируют свою повестку дня, умело балансируя между поддержкой официальной позиции Церкви и своей, гораздо более радикальной, позицией. Вполне возможно, что этим радикализмом они могут привлечь довольно широкий круг сторонников.

Постсекулярное общество, о котором я говорил в начале, – это общество, где религиозные деятели и организации возвращаются в общественную и политическую жизнь. Но готово ли российское общество к такой версии постсекулярного? Вполне возможно, что «недобрые голоса» Православной Церкви приведут к ее новой маргинализации.

¹⁵ «Нужно женщину ломать об колено»: протоиерей Андрей Ткачев объяснил свою скандальную речь. <http://www.pravmir.ru/nuzhno-zhenshchinu-lomat-ob-koleno-protiierey-andrey-tkachev-obyasnil-svoyu-skandalnuyu-rech> (дата обращения 31.03.2018).

Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые

16

К 2015 году Русская Православная Церковь в целом оказалась в ситуации *нового молчания*. И здесь сразу необходимо сделать важное уточнение: я неслучайно использую термин «новое молчание». Он прямо соотносится с историей Русской Церкви XX века. Ровно пятьдесят лет назад священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин написали «Открытое письмо Святейшему Патриарху Алексию I». Одним из лейтмотивов этого письма стала тема молчания Церкви или, как ее называют сами авторы, *тактика «порочного молчания»*:

10 000 закрытых храмов и десятки закрытых монастырей непрерываемо свидетельствуют о том, что Московская Патриархия не исполнила своего долга перед Христом и Русской Церковью, ибо только заручившись молчанием Высшего Церковного Управления, могли безбожники закрывать Божьи храмы! <...>

Высшая церковная власть своим беспринципным молчанием покрывает незаконные действия, направленные на всемерное удушение церковной жизни. <...>

Изложив картину бедственного положения Русской Церкви, естественно задать вопрос: каким образом это положение могло возникнуть? Почему высшая церковная власть превратилась в послушное орудие в руках чиновников-атеистов? Зачем русские архипастыри и пастыри, в большинстве своем искренние и чистые люди, непонятным молчанием покрывают это вопиющее беззаконие? <...>

Вторая немалая опасность заключается в том, что подавляющее большинство даже тех епископов и пресвитеров, которые крайне недовольны нынешним положением Русской Церкви, молчат и своим тяжким молчанием способствуют его ухудшению. Говоря это, мы имеем в виду не тех, которые молчат, скованные страхом или пораженные унынием – эти мотивы сами по себе столь предосудительны, что не требуют специального опровержения, – нет, мы говорим о тех епископах и пресвитерах, которые пытаются оправдать свое молчание «высшими соображениями». Иные архиереи серьезно считают, что они своим молчанием спасают Русскую Церковь, «ибо, – рассуждают они, – если мы будем протестовать против незаконных действий Совета, нас лишат регистрации, и тогда наши опустевшие кафедры захватят преуспевающие противники церковной свободы, и “сие последнее будет горше первого”»¹⁷.

Как выяснилось, на этом параллели нашего времени с 1965 годом не закончились. Патриарх Алексей I (Симанский) отреагировал на письмо крайне жестко и запретил в служении авторов письма:

Мы запретили их в священнослужении до раскаяния и прекращения ими вредной для Церкви деятельности... Попытка отдельных лиц выступить в роли непризванных судей Высшей Церковной Власти и желание их возвести клевету на государственные органы не служит интересам Церкви и имеет целью нарушить благожелательные отношения между государственными органами и нашей Церковью. Клеветнические обвинения в адрес Высшей Церковной Власти могут быть использованы враждебно относящимися к нашей Церкви и Отечеству некоторыми зарубежными кругами во вред Церкви и нашей Родине...¹⁸

¹⁶ Доклад на конференции «Религия, СМИ и гражданское общество», которая проходила в рамках XX Андреевских чтений Библейско-богословского института 11–13 декабря 2016 года. Опубликовано «Страницы: Богословие. Культура. Образование». 20:1 (2016). С. 69–79.

¹⁷ Цит по: «Открытое письмо патриарху Алексию I священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина». Ч. 1. URL: <http://www.regels.org/Eschliman-Yakunine.htm> (дата обращения 31.03.2018).

¹⁸ Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. Сост. Г. Штриккер. Книга 2. М.: Пропилен, 1995. С. 68–69.

* * *

Казалось бы, это история¹⁹. Но в 2015 году Русская Православная Церковь вновь оказалась в ситуации нового молчания. В публичном пространстве звучит фактически только один голос – это голос патриарха Кирилла. Все остальные преимущественно молчат, не позволяют себе развернутых высказываний – только краткие комментарии по отдельным, всегда очень конкретным поводам.

Это, безусловно, новый стиль. Он ярко иллюстрирует растущее значение иерархической доминанты в жизни Церкви, а точнее – понимание иерархии как единоначалия в лице патриарха.

Молодой епископат – а это почти две сотни сравнительно молодых людей, рукоположенных при патриархе Кирилле, – остается *темной лошадкой*. За пять – шесть лет своего существования он еще ничего не сказал. Возникает вопрос: почему молодой епископат не говорит – не хочет, или не умеет, или боится? Это молчание – пауза *накануне больших перемен* или *стремление уйти* из публичного пространства? По состоянию на конец 2015 года эти вопросы остаются открытыми.

Конечно, есть и исключения. Если говорить о церковном *истеблишменте*, то здесь исключение составляют, пожалуй, только протоиереи Всеволод Чаплин и – все в меньшей степени – Димитрий Смирнов²⁰. Но и они высказываются *по-постмодернистски фрагментарно*, даже их позицию приходится реконструировать.

В публичном пространстве громче всего звучат не высказывания по существу, а отдельные эпатажные реплики. И, похоже, многих это устраивает. Чаплин продолжает высказываться, начальство продолжает терпеть. Недоумение у православных (в том числе священников и епископов) растет. А в обществе увеличивается раздражение по отношению к Православной Церкви: ну куда эти попы опять лезут? Отношения Церкви и, в частности, современной культуры приобретают все более карикатурный характер.

Например, когда агентство «Интерфакс-религия» ставит заголовок: «Гомосексуализм лишил Элтона Джона творческой энергии, считает протоиерей Всеволод Чаплин, бывший его поклонником», как это следует понимать? До каких именно пор прот. Всеволод Чаплин был поклонником певца-гомосексуалиста? Что это вообще за конструкция – «гомосексуализм лишает творческой энергии»? А конформизм не лишает? А гедонизм не лишает? А коррупция не лишает? К чему вообще это признание? Готов ли о. Всеволод сказать то же самое про Петра Ильича Чайковского? Это высказывание частного лица или председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества? Никто не знает ответов на эти вопросы. Но, предполагая, что лиц, страдающих раздвоением личности в руководстве Московской Патриархии быть все-таки не должно, все публичные его высказывания воспринимаются в целом как высказывания Церкви.

Извне патриархийного истеблишмента звучат довольно разные голоса: протодиакона Андрея Кураева, протоиерея Алексия Уминского, Андрея Десницкого – библииста, неожиданно увлекшегося публицистикой.

¹⁹ Вскоре после того, как был прочитан этот доклад, патриарх Кирилл (Гундяев) своим личным распоряжением уволил автора с должности ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии» с приблизительно той же формулировкой «вредной для Церкви деятельности». В статье упоминается протоиерей Всеволод Чаплин, также уволенный Указом Патриарха 24 декабря 2015 г. с должности председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества.

²⁰ Прот. Димитрий Смирнов в 2001–2013 гг. занимал должность председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями и с 2013 г. назначен первым заместителем председателя Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. – *Прим. ред.*

На каком-то отдельном языке, обращаясь к своей довольно замкнутой аудитории, говорят условные «правые» – священники Александр Шумский и Сергей Карамышев, Анатолий Степанов и другие. Их логические схемы и риторические фигуры иллюстрируют главным образом верноподданнические чувства к президенту:

Владимиру Путину приходится подкармливать пираний, чтобы они не опрокинули государственную лодку в самый судьбоносный и ответственный момент нашей истории. Но Владимир Владимирович – хороший рыбак, и я уверен, что он найдет управу и на этих страшных многочисленных либеральных рыб. Надо набраться терпения и усилить молитву за нашего Президента²¹.

Как я радовался исполненному патриархальной мудрости решению Президента России уничтожить контрабандную продукцию из ЕС прямо на границе, как радовался подписанию 29 июля соответствующего Указа, так теперь огорчен тем, что некоторые из либерально настроенных священнослужителей, призванных по своему сану быть учителями нравственности, жестко осуждают это решение²².

Особняком стоят афонские и прочие старцы. Их голоса сейчас тоже достаточно регулярно можно услышать в СМИ, но серьезного резонанса они не вызывают. Правда, в последние недели 2015 года, после того как Турция сбила российский бомбардировщик, многие вспомнили слова Паисия Святогорца:

Помысел мне говорит, что произойдут многие события: русские займут Турцию, Турция же исчезнет с карты, потому что 1/3 турок станет христианами, 1/3 погибнет и 1/3 направятся в Месопотамию... В Константинополе произойдет великая война между русскими и европейцами, и прольется много крови. Греция не будет играть первенствующую роль в этой войне, но ей отдадут Константинополь, не потому, что перед нами будут благоветь русские, но потому, что не найдется лучшего решения, и договорятся совместно с Грецией, причём на них будут давить трудные обстоятельства²³.

* * *

В условиях, когда ни программы действий, ни целостного видения Церкви ни у кого в самой Церкви нет, многие реакции ситуативны, стратегии не просматриваются, исследователю неминуемо приходится обращаться к отдельным высказываниям и на этой основе описывать тот набор идей, которые сегодня представители Церкви и те, кто прямо апеллирует к православному традициям и православным ценностям, транслируют в публичное пространство.

Отмечу, что официальные церковные документы работают плохо, за редким исключением все они носят формальный, я бы даже сказал – технический характер. Однако и из этих документов, например журналов Священного Синода и определений Архиерейских соборов, можно реконструировать – хоть и фрагментарно – основные направления развития Церкви, прежде всего в церковно-практической области.

Проповедь как форма актуального, содержательного высказывания практически исчезла. В ней крайне мало богословия, аскетики и даже желания поделиться духовным опытом, в большинстве случаев там лишь немного истории плюс бесконечное морализаторство.

Именно поэтому наиболее очевидным материалом для анализа становятся публичные высказывания и действия как церковных лидеров мнений – православных активистов, священ-

²¹ Шумский Александр. Путин, аллигаторы и пирании. http://ruskline.ru/news_rl/2015/10/21/putin_alligatory_i_pirani (дата обращения 31.03.2018).

²² Карамышев Сергей. Крокодиловы слезы отца Алексея Уминского. http://ruskline.ru/news_rl/2015/07/31/krokodilovy_slezy_otca_aleksiya_uminskogo (дата обращения 31.03.2018).

²³ Христовул Агиорит, иером. Избранный сосуд (Старец Паисий. 1924–1994). Кн. 2. СПб., 2000. С. 183.

ников, епископов и старцев, – так и государственных чиновников, чьи высказывания порой прямо соотносятся с церковной культурой в широком смысле слова.

Организаторы семинара попросили меня сформулировать свое отношение к проблеме идеологического многообразия Русской Православной Церкви. Если говорить теоретически, то можно представить определенный спектр различных течений и групп, позиция которых определяется их ответами на два вопроса: а) какой должна быть модель устройства церковной жизни? б) какой должна быть модель взаимодействия Церкви, общества и государства?

Однако недостаточно поставить эти вопросы и дать на них ответ. Необходимо свой ответ дать публично и действовать соответствующим образом. Поэтому, переходя от теории к практике, я должен признать: сегодня в Русской Церкви нет идеологического многообразия. Или даже так: оно сегодня исключительно кажущееся, *мнимое*.

Тем не менее ответы на вопросы, поставленные выше, в целом известны, и они определяют два основных течения, реально существующих в Церкви. И центральным оказался не вопрос о церковной жизни, а вопрос об отношении к государству.

Собственно, и на первый, и на второй вопрос существуют всего по два ответа.

В отношении церковной жизни развилка выглядит так:

– первый ответ: в церковной жизни в целом все хорошо, перемены не должны затрагивать тех основ и принципов, которые унаследованы от синодального периода и церковных практик советского времени.

– второй ответ: жизнь человека в XX–XXI веках радикально изменилась, если в церковной жизни не будет перемен, отвечающих на вызовы времени, маргинализация Церкви неминуема, нужны серьезные реформы.

В отношении с государством и обществом развилка выглядит иначе:

– первый ответ: естественное состояние Православной Церкви – быть в тесных отношениях с государством, не сливаться с ним, но всегда быть рядом, Русская Православная Церковь всегда была и будет «Церковью империи» (какой именно – православной, советской или постсоветской – не так важно), и этот статус ко многому обязывает.

– второй ответ: Церковь прежде всего призвана развивать отношения с гражданским обществом, понимать его, заботиться о человеке, сама Церковь должна стать авторитетным институтом гражданского общества, а в отношениях с государством как минимум «держаться дистанцию», не отождествляться с ним, не брать у него слишком много денег, не обслуживать его идеологические потребности.

Формат моего выступления не позволяет проиллюстрировать все возможные варианты, поэтому в качестве иллюстрации предлагаю обзор некоторых событий и высказываний со стороны так называемых «правых», то есть тех, кто выбирает первый вариант ответа на оба вопроса, и небольшой комментарий к ним. Для удобства я выбрал события, хронологически ограниченные 2015 годом, которые у многих из нас были тогда на слуху.

Протоиерей Всеволод Чаплин и «священная война»

В дни первых бомбовых ударов России по позициям ИГИЛ в Сирии мировые СМИ обошла новость о том, что Русская Православная Церковь назвала участие России в боевых действиях в Сирии «священной войной».

СМИ неточно процитировали слова прот. Всеволода Чаплина, который сказал буквально следующее:

Борьба с терроризмом за справедливый мир, за достоинство людей, которые испытывают вызов террора, – это очень нравственная, это, если хотите, священная борьба, и

сегодня наша страна является, наверно, самой активной в мире силой, которая противостоит террору²⁴.

Однако христиане Сирии и Ливана выступили с жесткой критикой этой позиции. Приведу лишь один пример: епископ Ильяс Тума заявил в ответ на это высказывание: «Не может быть в христианстве никакой священной войны! Независимо от того, согласен кто-то с этим или нет»²⁵.

Однако эти слова в России практически не были услышаны. Их не перепечатали ни церковные, ни светские СМИ.

Вместе с тем многие влиятельные СМИ опубликовали опровержение. Так, *The Economist* прокомментировал сложившуюся ситуацию вполне корректно: «Выводы о том, что Россия хочет начать “священную войну”, скорее всего, были основаны на высказываниях протоиерея Всеволода Чаплина». Отмечается, что, хоть Чаплин и назвал борьбу против терроризма священным делом, он не призывал к межкультурной или межрелигиозной войне²⁶.

Словом, в какой-то момент разобрались, что акцент прот. Всеволод поставил немного иначе, но ошибка СМИ возникла не на пустом месте. Протоиерей Всеволод любит говорить о священной войне. И в последние годы он, высказываясь по самым разным темам, использовал термин *священная война*.

Так, 2 июня, выступая в Общественной палате, прот. Всеволод призвал объявить «священную войну» всем медицинским учреждениям, где делают аборт:

Очень важно, чтобы общественность, которая занимается сохранением жизни, объявила сегодня священную войну тем учреждениям, которые, будучи частными, не исполняют общегосударственных и обязательных, для частных учреждений в том числе, норм, касающихся производства аборт²⁷.

Другими словами, он признает, что возможно не только моральное, но и «божественное» оправдание насилия в жизни современного общества.

Месяцем позже, 4 июля, выступая на телеканале «Союз» в связи с 70-летием победы в Великой Отечественной войне, прот. Всеволод и ее назвал священной: «Бог был с нашим народом, Он его вел в этой *священной войне*. Не нужно сегодня стесняться и стыдиться об этом свидетельствовать вновь и вновь»²⁸.

Но на этом прот. Всеволод не останавливается. Его позиция, оказывается, еще более радикальна. Он считает, что только война, только насилие позволяет проявиться лучшим духовным качествам человека. В мирной жизни это невозможно. Приблизительно в то же время в беседе с Леонидом Гозманом на «Эхе Москвы» прот. Всеволод сказал:

Никто не пойдет умирать за рынок, никто не пойдет умирать за демократию, а необходимость умирать за общество, за его будущее всегда, рано или поздно, возникает. Мир долгим не бывает, мир сейчас долгим, слава Богу, не будет. Почему я говорю «слава Богу» – общество, в котором слишком много сытой и спокойной, беспроблемной, комфортной жизни, это общество, оставленное Богом, это общество долго не живет²⁹.

Гозман предложил уточнить эти слова: «Протоиерей Всеволод Чаплин только что сказал, что слава Богу, что будет война»³⁰. И отец Всеволод от этой интерпретации не отказался ни во время этого разговора, ни позже.

²⁴ http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151006_syria_christians_holy_war (дата обращения 31.03.2018).

²⁵ Там же.

²⁶ http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/10/21/n_7795853.shtml (дата обращения 31.03.2018).

²⁷ <http://www.interfax.ru/russia/445157> (дата обращения 31.03.2018).

²⁸ <http://www.patriarchia.ru/db/text/4148402.html> (дата обращения 31.03.2018).

²⁹ <http://echo.msk.ru/programs/klinch/1567024-echo> (дата обращения 31.03.2018).

³⁰ Там же.

Можно утверждать, что прот. Всеволод развивает новую для христианства концепцию «священной войны», которая носит тотальный характер и проецируется и в личную, и в общественную жизнь, и в историю. Какое отношение имеет эта концепция к православной традиции и шире – к христианству – это предмет отдельного исследования.

Далее я предлагаю проследить, как его – казалось бы, очень авторскую – концепцию подхватывают, интерпретируют и развивают в самых разных сферах – от церковно-государственных отношений и общественно-политических акций до молодежной работы.

Александр Проханов. «Корпоративная икона» Сталина

В 2015 году к 70-летию победы Изборский клуб заказал большую икону. Александр Проханов, председатель клуба и «автор идеи» этой иконы, утверждает, что это вполне традиционная с православной точки зрения икона Божьей Матери «Державная». Однако Богоматерь занимает не больше трети иконы, а две трети – это с точки зрения композиции «собор святых»: около пятидесяти «маршалов победы» во главе с Жуковым и в центре в белом кителе генералиссимус Сталин. Все они без нимбов, но не исключаю, что это только пока.

Я бы назвал это «плакатом на религиозную тему», но сам Проханов с гордостью называет это нечто «корпоративной иконой»³¹ Изборского клуба. Более того, Проханов утверждает, что икону освятили в Свенском монастыре в Брянске.

Действительно, такую иконографию вполне можно признать корректной визуализацией слов прот. Всеволода Чаплина о том, что *Бог вел народ* в Великой Отечественной войне. Это водительство осуществлялось через военачальников и верховного правителя. Однако примечательно, что – несмотря на то что композиция иконы вполне традиционна для собора святых – до сих пор никогда в истории Церкви не возникал образ «собора святых воинов».

Сам Проханов лукавит, утверждая, что Сталин на иконе изображен просто как исторический персонаж. Хорошо известны его высказывания о «святости» Сталина: «На мой взгляд, Сталин замолил свой грех, одержав победу. Победа – это искупление всех грехов. А если, на твой взгляд, он грешник и не замолил свои грехи, то тогда бы он должен был эту войну проиграть»³². И далее еще более откровенно:

*Герои Великой Отечественной войны – Матросов, Талалихин, Космодемьянская, 28 панфиловцев, Карбышев, Чайкина, «Молодая гвардия» – это все святые. Святые не просто красной эры, а святые в полном смысле этого слова. Потому что война, на которой они мученически погибли, это Христова война. Это война за сохранение райских смыслов против ада, который вышел из подполья. И Победа в Великой Отечественной войне – это не просто геополитическая военная победа, это христианская победа, это победа рая над адом*³³.

Примечательно, что в состав Изборского клуба входят и те, кто декларирует свою принадлежность к Русской Православной Церкви. Но никто из них, включая епископа Тихона (Шевкунова), не только не вышел из клуба после как минимум провокационных заявлений Проханова, но даже не выступил с критикой.

Тем не менее две митрополии – Белгородская и Саратовская – все-таки решились выпустить достаточно жесткие официальные заявления, в которых отказались признавать это изображение иконой и осудили тех священников, которые совершали перед ней молебен.

³¹ <http://www.kp.ru/daily/26395.4/3272311> (дата обращения 31.03.2018).

³² Там же.

³³ Там же.

Владимир Мединский. Советский «пантеон святых»

Примечательно, что попытки прямого сопряжения культа героев войны с традицией православной святости предпринимает не только экстравагантный публицист, но и государственный чиновник класса «А» – министр культуры Владимир Мединский. Пренебрегая православным пониманием терминов *подвига* и *подвижничества*, он практически буквально повторяет слова Проханова в интервью «Российской газете»:

*К эпическим советским героям – и к молодогвардейцам, и к панфиловцам, и к Зое – надо относиться, как в церкви относятся к канонизированным святым. Это моя человеческая и гражданская позиция*³⁴.

И снова официальные представители Церкви промолчали. Полагаю, приведенные цитаты Чаплина, Проханова и Мединского – очевидное подтверждение двух важных тенденций: в государстве и обществе сохраняются и даже растут симпатии к *советскому* и ностальгия по сильной стране – империи. Православная Церковь сегодня мыслит себя именно как «Церковь империи» и поэтому не уклоняется от выражения своих симпатий к советскому.

На наших глазах формируется новая *гибридная* религиозность. Церковная риторика настолько хороша, столько в ней пафоса и романтики, что церковными словами каждому хочется разукрасить свою речь. «Священное», «святые» – эти слова можно использовать, напрочь забыв о Боге, вкладывая в них совершенно «земное», *идеологическое* содержание. Я называю это постсоветской гражданской религией, инкорпорировавшей и православные традиции, и ностальгию по советскому прошлому, и мечту о сильной империи.

Энтео. Ненависть и молодежная работа (оскорбленные чувства верующих)

Однако вернемся к «божественному оправданию» насилия и посмотрим, как готовность прот. Всеволода Чаплина не только допустить, но и оправдать насилие используется в молодежной работе. Насилие – порвать на прохожем майку, сорвать спектакль, устроить погром на выставке – стало визитной карточкой движения «Божья воля» и его лидера Дмитрия Цорионова (Энтео).

Эти хулиганские выходки Энтео и его единомышленников вскрыли серьезную проблему в самой Русской Церкви. Они проявили, сделали явной и очевидной ее внутреннюю проблему, которая разделила церковных людей на два лагеря, – отношение к силе и насилию. Оказывается, что есть немало православных, которые симпатизируют насильственным действиям не только во имя политических или экономических целей, но и в том, что мы называем свидетельством о Христе – в проповеди. Насилие оказалось для значительной группы и священников, и мирян очень притягательным и квалифицируется как *христианский поступок*.

Громкая хулиганская акция в Манеже привела к тому, что «православные активисты» вместо того, чтобы быть осужденными церковным общественным мнением – и, может быть, даже церковным судом, – стали фактически *героями*. Теперь они определяют тренды в церковной среде. Цорионов сумел навязать риторику «оскорбленных чувств» значительной части Церкви. В частности, он оказался законодателем мод в отношении современного искусства, демонизируя его целиком и полностью.

Сумеет ли Церковь избавиться от этой подмены и увидеть дух, глубоко чуждый Евангелию? «Молодежная работа» Цорионова – это проповедь насилия, эгоизма и самолюбования, лишь слегка прикрытая красивыми словами о миссии, христианских ценностях и т. п.

³⁴ «Из всех искусств для нас важнейшим является история». Российская газета. 28.08.2015. <http://www.rg.ru/2015/08/26/pravda.html> (дата обращения 31.03.2018).

Возвращаясь к началу доклада, отмечу, что, на мой взгляд, основная характеристика так называемых «правых» – склонность к насилию и к оправданию насилия. Станет ли это характерной чертой современного православия – вопрос открытый.

Соблазн велик.

Газ, бензин и духовные скрепы

35

Радикализация православных – это тенденция, которую неудобно признать. Очень хочется верить, что это какие-нибудь раскольники или сектанты. Однако готовность к насильственным действиям по отношению к ближним во имя «Святой Руси» или просто из-за оскорбленных религиозных чувств все чаще демонстрируют именно православные. Это другое – не официальное, а «народное» – православие, которому ни патриарх, ни епископы, ни священники не указ. Эти православные сами знают, с кем и какими средствами надо вести борьбу.

Накануне обещанной премьеры «Матильды» в Москве сожгли машину, припаркованную у офиса адвоката режиссера Алексея Учителя, оставив рядом записку «За Матильду гореть».

Премьеру отменили «по техническим причинам», хотя можно предположить, что сделано это было скорее по соображениям безопасности. Ведь «погорели за Матильду» уже многие.

Неделей раньше в Екатеринбурге тридцатидевятилетний Денис Мурашов попытался протаранить центральный вход кинотеатра «Космос» на старом УАЗе, начиненном двумя бочками бензина, тремя газовыми баллонами и дровами. Въехать в здание не удалось, и Мурашов выбрался из кабины, поджег бутылку с коктейлем Молотова и бросил ее в салон машины. Вскоре полыхнуло так, что поджигателя отбросило на два метра. В результате машина сгорела, но взрыва не было – пожарные успели потушить пламя, никто не пострадал.

На допросе Мурашов рассказал, что приехал в Екатеринбург из Ирбита 3 сентября и весь день молился в Храме-на-Крови, а на следующий день рано утром «поехал в кино». Связано объяснить мотивы своих действий Мурашов не смог. Следовательно отправил Мурашова на психиатрическую экспертизу.

Однако один аргумент поджигатель сформулировал довольно внятно: он пытался сжечь кинотеатр из-за фильма «Матильда», будучи оскорблен тем, как режиссер фильма представляет добрачную связь императора Николая II (прославленного Русской Православной Церковью в лике святых) и балерины Матильды Кшесинской. Известно, что 17 августа 2017 года Мурашов ездил в Тюмень на митинг против «Матильды».

Действия Мурашова многие православные поспешили списать на выходку психически нездорового человека.

Лейтмотив обсуждений довольно прост: если он состоит на учете у психиатра, то дальнейшее обсуждение не имеет смысла. Точка. Однако это довольно беспомощная попытка уклониться от серьезного и болезненного разговора о том, что среди части православных насилие в отношении инакомыслящих, которыми признается, прежде всего, светская часть общества, считается теперь вполне допустимым.

Конечно, сами православные готовы это отрицать, но общество уже встревожено. «Пиар пиаром, идеи идеями, но после истории с “Космосом” стало страшно за наши заведения и тех людей, кто там будет находиться. Эти фанатики могут ворваться в бар, бросить “коктейль Молотова” или еще что-то. А это ущерб гостям, за которых мы несем ответственность», – рассказал екатеринбургский ресторатор Евгений Кексин. Он планировал арендовать в конце октября небольшой кинозал и устроить закрытый показ фильма Учителя «Матильда», но после попытки поджога «Космоса» от этой идеи отказался. Кроме того, ресторатор сообщил, что к нему в бар приходил православный активист из Храма-на-Крови, который представился «музейным работником». «Он говорил мне, мол, не надо бы показывать фильм, неправильно

³⁵ * Опубликовано в Газете. ру 12 сентября 2017. https://www.gazeta.ru/comments/2017/09/09_a_10880684.shtml

это. Читал мне нотации. И ушел, уверенный, что я откажусь от показа», – говорит Кексин³⁶. Вполне возможно, что это случайное совпадение. Но в целом попытку поджога кинотеатра необходимо рассматривать не как отдельный поступок больного человека, а в широком контексте действий различных православных активистов.

Стоит ли считать случайностью, что именно о поджогах кинотеатров говорится в июльском обращении организации «Христианское государство – Святая Русь» (ХГ – СР) в связи с выходом фильма «Матильда»?

Кинотеатры реально начнут поджигать. Провокаторы проплатят поджоги. Много средств даже не нужно – за каждый подожженный кинотеатр многим будет достаточно и 5–10 тыс. руб. Оппозиция тратит сотни миллионов на то, чтобы начать войну, на то, чтобы расшатать народ. Но выход на экраны «Матильды» повлечет за собой страшные для всей России последствия – всего за 10 млн руб. можно сжечь все кинотеатры России³⁷.

Прошло всего полтора месяца со дня публикации обращения, и неожиданным образом угрозы ХГ – СР начинают сбываться. 31 августа неизвестные подожгли студию режиссера «Матильды» Алексея Учителя в Санкт-Петербурге, 4 сентября – кинотеатр «Космос» в Екатеринбурге, 11 сентября – машину у офиса адвоката режиссера. Пожар в торговом центре «Мельница» в Брянске, как утверждает его администрация, никак не связан с угрозами поджога кинотеатра в связи с фильмом «Матильда», но и в Брянске владельцы кинотеатра получили процитированное выше письмо от ХГ – СР.

Кексин трезво смотрит на ситуацию, и его невозможно упрекнуть в том, что он напрасно опасается нападения фанатиков. Денис Мурашов – это типичный религиозный фанатик. Его родители говорят, что он много ругался с женой и с ними, упрекал, что они живут неправильно: «Нужно чаще ходить в церковь, каяться в грехах, вести аскетичный образ жизни». В какой-то момент он уехал из дома, оставив жену и двух детей, и позвонил только через две недели. Сказал, что «решил стать паломником и проехать по святым русским местам». Вернулся домой через... год. Жена после этого ушла, а на нем, по словам родителей, развод никак не сказался. Его мать уверена, что «Денис был один, его не подстрекали никакие сектанты». Он же прямо говорил: «Я сам буду бороться с грязью в этом мире. Один». И не стоит удивляться, что это настроение оказалось тесно связано с поездкой по монастырям. Каких старцев он там наслушался, можно себе представить.

Критический взгляд на действия православных активистов важен и для общества, и для самой Церкви. В 1937 году Николай Бердяев писал:

*Человек, в котором нетерпимость дошла до каления, фанатизма, подобно ревнивцу, всюду видит лишь одно, лишь измену, лишь предательство, лишь нарушение верности единому, он подозрителен и мнителен, всюду открывает заговоры против излюбленной идеи ...*³⁸

Почему в последние годы действия религиозных фундаменталистов – как фанатиков, так и акционистов – вызывают серьезный общественный резонанс?

Во-первых, потому что их действия обращены вовне. Они ведут не духовную брань внутри себя и даже не внутри своей религиозной общины (чаще всего к ней такие люди не принадлежат, а лишь декларируют свою принадлежность). Их агрессивные действия обращены на современную секулярную культуру, в которой они видят своего главного врага.

Стоит вспомнить Дмитрия Цорионова (Энтео), который организовал погром на выставке Вадима Сидура в 2015 году. Сходство не заканчивается общим контекстом – Энтео громил экспонаты в выставочном зале, а Мурашов атаковал кинотеатр. И там, и там разрушения в

³⁶ https://www.znak.com/2017-09-06/posle_kosmosa_strashno_restorator_keksin_otkazalsya_ot_zakrytogo_pokaza_matildy (дата обращения 31.03.2018).

³⁷ <https://regnum.ru/news/2322987.html> (дата обращения 31.03.2018).

³⁸ Бердяев Николай. О фанатизме, ортодоксии и истине // Русские записки. № 1. Париж – Шанхай, 1937. http://www.vehi.net/berdyayev/fanatizm.html#_ftn1 (дата обращения 31.03.2018).

целом незначительные. Но если Энтео всегда рассчитывает на медийный эффект, то Мурашов планировал нападение с более серьезными последствиями. Не удалось. Но есть ли уверенность, что не будет продолжения? У меня лично нет.

Во-вторых, действия фанатиков открыто поддерживает часть православного духовенства. В православной социальной сети «Елисы» цитируется священник Алексей Батаев, который во время суда над соратницей Энтео Людмилой Есипенко прямо заявлял: «Избавить Людмилу от поругания со стороны безбожной власти – это значит отстаивать честь Матери Церкви Русской и вообще всего православия в целом!»³⁹. Православный священник не стесняется открыто оправдывать хулиганство и, более того, считает, что именно хулиганы выражают сегодня подлинно православную позицию.

Надо сказать, что и сам патриарх Кирилл невольно дал зеленый свет формированию групп православных фундаменталистов. 22 апреля 2012 года он совершил молебен в защиту веры, поруганных святынь, Церкви и ее доброго имени. В комплекте с возможностью оскорбляться в своих религиозных чувствах православные фактически получили благословение защищать святыни в меру своего понимания. Во многих случаях это понимание оказалось очень далеким от того евангельского идеала, к которому христианин призван стремиться.

Позднее патриарх заявил: «Христианин должен защищать свои святыни всеми нравственно оправданными способами, то есть такими, при которых он остается христианином». Слова хорошие, но на практике оказалось, что православные слишком широко понимают слова о «нравственно оправданных способах». Некоторые убеждены, что они остаются христианами, когда совершают хулиганство, насилие или поджог.

При этом православные фундаменталисты считают себя верными чадами Русской Православной Церкви. Было бы правильно жестко осудить все эти действия, но патриарх Кирилл до сих пор не заявил громко и прямо, что Церковь не приемлет никаких насильственных действий, тем более таких, которые несут прямую угрозу человеческой жизни. Вполне возможно, что патриарх молчит, потому что понимает: православные фундаменталисты его или не услышат, или проигнорируют. И это для патриарха будет крайне болезненная ситуация. За время своего патриаршества он многое сделал для того, чтобы создать эффективную систему церковного управления, количество церковных чиновников увеличилось в несколько раз. И ему очень не хочется признаваться, что в условиях жесткой иерархической вертикали возникли альтернативные центры, влияние которых на определенные группы православных может быть значительно выше, чем влияние патриарха. Не исключено, что патриарх занял выжидательную позицию. Но не будет ли слишком поздно, когда он все-таки решится что-то сделать?

Не случайно, что название организации, которая поставила своей целью борьбу с фильмом «Матильда», – «Христианское государство – Святая Русь». В первой части это калька с «Исламского государства» (организация запрещена в России). И не значит ли это, что насильственные противоправные действия вдохновляют «братьев» из ХГ – СР?

Проблема православного фундаментализма – это не только проблема Русской Православной Церкви. И в других Православных Церквях голос этих групп в последние годы звучит громче, чем прежде.

Поэтому в 2016 году в итоговых документах Критского Собора впервые выражается озабоченность: «Фундаментализм как “ревность не по рассуждению” (Рим. 10:2) является проявлением болезненной религиозности»⁴⁰. Но РПЦ отказалась от участия в этом соборе и практически игнорирует эти документы. Борьбу с фундаментализмом она рассчитывает вести самостоятельно. И, кажется, не сейчас, а как-нибудь потом.

³⁹ <https://elitsy.ru/communities/29243/629978> (дата обращения 31.03. 2018).

⁴⁰ http://sobor2016.rublev.com/novosti/opublikovano_okruzhnoe_poslanie_svyatogo_i_velikogo_sobora_pравoslavnoy_tserkvi (дата обращения 31.03.2018).

Ложный триумф патриарха. Что показал Архиерейский Собор РПЦ

41

Недавний Архиерейский Собор оказался интереснее, чем все предыдущие. Три темы привлекли внимание: возобновившиеся разговоры о ритуальном убийстве царской семьи, письмо Филарета с Украины и выступление президента Путина. Собор может показаться успехом патриарха Кирилла, но на деле ситуация сложнее: в отношениях и с архиереями, и с государством, и с другими Поместными Церквами проблем больше, чем достижений.

Этот Собор стал самым большим по количеству участников в истории Русской Православной Церкви. Сегодня в его составе числятся 386 епископов. Тридцать девять из них (преимущественно с Украины) на Собор не приехали, но общую статистику это не сильно меняет.

В официальных документах говорится, что Собор проходит осенью 2017 года в связи с празднованием столетия Поместного Собора 1917–1918 годов, самого значительного Собора в истории Русской Церкви. Однако смещение акцентов налицо, и это красноречиво свидетельствует об изменениях, которые произошли в церковном сознании за прошедшие сто лет. Если Собор 1917–1918 годов был поместным, то есть в нем принимали участие не только епископы, но также священники и миряне, то нынешний Собор – не Поместный, а Архиерейский, и в нем участвуют только епископы. Вопрос о проведении Поместного Собора даже не обсуждался.

Сегодня управление Церковью сосредоточено в руках епископов – это принципиальная позиция патриарха Кирилла. Его патриаршество стало временем создания жесткой иерархической вертикали, на вершине которой сам патриарх и постоянные члены Священного Синода.

Темы для патриарха

Центральное событие на каждом Архиерейском Соборе – доклад патриарха, своего рода послание не только собравшемуся епископату, но и всей Церкви⁴². Какие патриарх выбирает темы и как именно о них говорит – ключ к пониманию общей ситуации в церковном управлении.

В этом смысле на нынешнем Соборе не произошло ничего нового: патриарх подробно и со знанием дела говорил о Церкви как административно-управленческой структуре, которой нужно повысить свою эффективность в области благотворительности, миссионерской работы, религиозного и богословского образования и так далее. Вопросы собственно духовной жизни или какие-либо богословские проблемы на Соборе не поднимались. Некоторые проблемы, например – о богословской безграмотности монахов и необходимости для них специального образования, были сформулированы вполне откровенно и даже самокритично.

Неожиданно в докладе патриарха прозвучала тревога в связи с распространением неоязычества в России. Ничего конкретного на эту тему патриарх не говорил, хотя и ссылаясь на «предварительную исследовательскую работу». Остается только гадать, где именно он разглядел достаточно крупные очаги неоязычества, чтобы они могли вызывать тревогу.

Следуя традиции прежних лет, патриарх и в этот раз ни слова не сказал о финансах РПЦ. В разделе «Финансы и хозяйство» патриарх говорил о формировании единого реестра церковного имущества, о создании бесплатной базы проектно-сметной документации для строительства храмов и об «урегулировании взаимодействия предприятия “Софрино” и епархий». Если

⁴¹ Опубликовано на сайте Московского центра Карнеги 4 декабря 2017. <http://carnegie.ru/commentary/74892>

⁴² <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/5072994.html> (дата обращения 01.04.2018).

первые два пункта более или менее понятны, то о том, что подразумевает патриарх под неуклюжей и громоздкой фразой об «урегулировании взаимодействия», догадаться не так просто. По всей видимости, патриарх Кирилл старается сохранить за «Софрино» статус если не монополиста, то крупнейшего поставщика церковной утвари на территории России. Завышенные цены, невысокое качество и, как правило, довольно неэстетичный дизайн продукции «Софрино» устраивает сегодня далеко не всех, поэтому постоянно приходится использовать административный ресурс, чтобы навязывать епархиям эту продукцию.

Тема для епископа

Примечательно, что в своем докладе патриарх ни слова не сказал об останках царской семьи и полностью отдал эту тему в руки епископа Тихона (Шевкунова). Поскольку реакция Собора была малопредсказуема, то пришлось разыграть нехитрый спектакль: мол, доклады-ваем только предварительные итоги, так как не все экспертизы еще проведены.

Накануне Собора в Сретенском монастыре состоялась специальная конференция, посвященная исследованию останков. Ничего нового на ней сказано не было, практически все без исключения было известно и десять, и двадцать лет назад. Но прямая трансляция с конференции произвела большое впечатление и на епископат, и на церковную публику. Очевидно, что взят курс на полное признание останков, что, с одной стороны, хорошо, так как нельзя Церкви десятилетиями противиться признанию исторической правды и результатам научных исследований. Но, с другой стороны, признание означает, что останки царской семьи будут вписаны в тот огромный бизнес на мощах, который так успешно делает РПЦ в последние годы.

Кроме того, стоит отметить еще два момента. Первый – нашумевшие и намеренно неосторожные слова епископа Тихона о ритуальном убийстве царской семьи: «У нас самое серьезное отношение к версии ритуального убийства. Более того, у значительной части церковной комиссии нет сомнений в том, что это так и было... Это надо доказать и обосновать»⁴³. Для тех, кто знает контекст дискуссий о ритуальном убийстве, антисемитский характер высказывания очевиден. И весьма примечательно уточнение, что это не его личное мнение, а мнение большинства членов комиссии. Уже на следующий день епископу Тихону пришлось объяснять свою позицию. Он сделал шаг назад, но его первое высказывание стоит запомнить. Похоже, о ритуальном убийстве царя мы услышим еще не раз.

В субботу на презентации своей новой книги «Икона и человек» Евгений Ройзман, говоря о царских останках, обронил хорошую фразу: «Говорить о ритуальном убийстве можно только тогда, когда санитары отвернулись».

Второй примечательный момент – это оговорка одного из выступавших, что все участники экспертиз по требованию Церкви дали подписку о неразглашении не только результатов экспертиз, но и самого процесса их проведения. История проведения экспертиз насчитывает уже более двадцати пяти лет, но государство никогда не считало необходимым ставить на какие-либо из этих исследований гриф секретности. Зачем Церковь потребовала у государства это сделать, понять трудно. Еще труднее понять, почему государство согласилось с требованиями РПЦ.

На самом соборе доклад епископа Тихона прошел спокойно, без особых дебатов. Главное же, удалось убедиться, что среди епископата нет активных противников признания подлинности останков. Никто из присутствовавших епископов не захотел возглавить довольно обширную группу мирян и священников, которые выступают против такого признания. И это очень хорошая новость и для епископа Тихона, и для патриарха Кирилла.

⁴³ <https://www.kp.ru/daily/26765.5/3796669> (дата обращения 01.04.2018).

Украинское письмо

Второе и, пожалуй, самое неожиданное событие, связанное с Собором, – письмо Филарета (Денисенко). Он был не просто лишен сана, но и анафематствован Русской Церковью двадцать лет назад. Оглашение его письма, довольно сильного и убедительного по содержанию, стало неожиданностью для всех участников.

Говорят, в этом письме Филарет строго выполнил два условия, которые поставил ему патриарх Кирилл через митрополита Илариона (Алфеева): попросить прощения и не называть себя никакими титулами. Опубликованный скан письма очень показателен – это не бланк, а простой лист бумаги, на котором стоит подпись «ваш собрат Филарет» и есть слова традиционной покаянной формулы, которую все православные хорошо знают: «Прошу прощения во всем, чем согрешил словом, делом и всеми моими чувствами»⁴⁴.

Обсуждение письма не было включено в утвержденную повестку дня Собора. Патриарх Кирилл представил его как только что поступившее, но, судя по всему, это была его домашняя заготовка. Само письмо датировано 16 ноября и вполне могло быть включено в обсуждение на Соборе в рамках обычных процедур, но патриарх Кирилл засекречивает буквально все, что только можно засекретить, и это снова стало его ошибкой. В политике далеко не всегда имеет смысл все скрывать до последнего момента. Утечки помогают увидеть расклад сил, понять, кто и как реагирует, подготовить возможные сценарии.

Архиерейский Собор очень удивился, но отреагировал доброжелательно, показал, по крайней мере на эмоциональном уровне, что готов к диалогу. Была даже создана специальная комиссия, но после жесткого заявления Москвы последовал не менее жесткий ответ из Киева. Трудно сказать, что случилось на украинской стороне, но в Москве, похоже, «имперская перспектива» снова не сработала, дала осечку. Невозможно все время находиться в гордом состоянии «мы великие, нам все должны». В конце концов, митрополит Филарет был лишен сана за нарушение монашеских обетов. Было бы интересно спросить собравшийся епископат: «А сколько среди вас не нарушавших монашеские обеты?» Боюсь, окажется немного.

Речь президента

Наконец, третье событие, которое привлекло внимание к собору, – выступление президента Владимира Путина перед епископатом. Естественно, заранее сообщили об этом не всем. У большинства участников в программе стояла встреча с Путиным, а у украинских архиереев – «Чай». Это «спасительное» решение было придумано не зря. В социальных сетях уже звучали призывы отобрать украинские паспорта прямо на границе у тех епископов УПЦ, кто пойдет на встречу с президентом России.

Очевидно, что это выступление следует рассматривать в контексте предвыборной кампании. Но, обращаясь к основным его тезисам, следует признать, что оно слабое и состоит из дежурного набора фраз. Складывается впечатление, что Путин не видит никаких новых перспектив в отношениях с Церковью.

Более того, довольно постыдно выглядит описание того периода истории России, который связан с патриархом Тихоном, Гражданской войной, террором и гонениями на Церковь. Путин говорит:

Патриарх Тихон, служители Русской Православной Церкви в полной мере разделяли судьбу России и ее народа, были рядом с людьми в их бедах и испытаниях. Несмотря на репрес-

⁴⁴ <https://ria.ru/religion/20171201/1510000282.html> (дата обращения 01.04.2018).

*сии и гонения, уничтожение и разграбление храмов, попытки ослабить, дискредитировать Церковь, они сберегли самое главное – веру, помогли нашему народу и здесь, и на чужбине сохранить культуру, историю, обычаи, традиции, национальный характер*⁴⁵.

Казалось бы, хорошие слова. Но президент не счел нужным ни слова сказать о том, кто уничтожал Церковь. А также о том, как сам президент России относится к палачам, которые уничтожали и духовенство, и другие сословия Российской империи. Годом ранее о своем личном отношении к ВЧК – КГБ Путин говорил на съезде Общероссийского народного фронта в Ялте: «Я так же, как и миллионы советских граждан, двадцать с лишним миллионов, был членом Компартии СССР, и не просто был членом Компартии, почти двадцать лет проработал в организации, которая называлась Комитет государственной безопасности СССР. А эта организация – наследница ЧК, которую называли вооруженным отрядом партии. И если человек по каким-то соображениям выбывал из рядов Компартии, его немедленно увольняли из КГБ... В отличие от многих функционеров, я не выбрасывал партийный билет, не сжигал его. Я сейчас не хочу никого осуждать, разные мотивы могли быть, это их дело, как поступить. Компартия Советского Союза развалилась, у меня билет до сих пор где-то там лежит»⁴⁶.

Не думаю, что патриарх Тихон, новомученики Российские или другие безвинные жертвы ВЧК – НКВД – МГБ – КГБ сочли бы уместным такое выступление. И вместе с тем не сомневаюсь, что нынешние архиереи были бы в восторге.

Финальным аккордом собора стало заседание, посвященное столетию восстановления патриаршества в Русской Церкви. Оно прошло при участии глав и представителей Поместных Церквей. Но самый главный гость – константинопольский патриарх Варфоломей – не приехал. В кулуарах собора говорят, что он поставил условием своего участия признание документов прошлогоднего Всеправославного Собора на Крите, который РПЦ отказывается признавать всеправославным, как отказывается и принимать его решения. Словом, Собор закончился, проблемы остались.

⁴⁵ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56255> (дата обращения 01.04.2018).

⁴⁶ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51206> (дата обращения 01.04.2018).

II. За пределами империи

Как РПЦ демонтирует церковное наследие русской эмиграции

47

Заграничные епархии и приходы как ячейки «русского мира» должны быть устроены единообразно для удобства оперативного управления. Собор в Лондоне, где недавно побывал патриарх, теперь приведен в соответствие этому стандарту. На других направлениях тоже ведется активная работа, и уже через 10–15 лет демонтаж наследия русской эмиграции в приходах РПЦ будет успешно завершен.

Можно ли найти образ, который наиболее полно выражал бы содержание и характер главного события церковной дипломатии последних месяцев – визита патриарха Кирилла в Лондон? Мой ответ на первый взгляд может показаться парадоксальным или даже несерьезным, но, полагаю, только на первый взгляд. Образ, который довольно точно отражает внутренние смыслы визита патриарха Кирилла и даже шире – всей его многогранной деятельности, – это фотография, которую патриарх Кирилл выбрал для подарка Королевскому географическому обществу.

Фотография очень символичная, иконическая. На ней изображены сам патриарх в оранжевом жилете поверх рясы и пингвин. Они стоят на берегу холодного моря, и каждый из них по-своему одинок. С одной стороны (и таким, по всей видимости, было намерение патриарха), фотография призвана стать свидетельством, что он много путешествовал и честно, без дураков заработал свое членство в Королевском географическом обществе. С другой стороны, такой подарок не лишен самолюбования – все-таки трудно себе представить скромного человека (таким, казалось бы, должен быть любой священнослужитель), который дарит другим фотографию самого себя.

И, наконец, еще одна важная деталь: патриарх на этой фотографии изображен не среди людей, а на пустынном берегу океана. Казалось бы, ожидаемый образ предстоятеля самой многочисленной Православной Церкви – это патриарх среди людей. Если помнить о связи с путешествиями, то можно представить себе фотографию патриарха в каком-нибудь удаленном уголке России, но прежде всего со своей паствой, например с православными якутами. Однако для Лондона патриарх выбрал совсем другой образ: пустынный берег, людей нет. Единственный, кто удостоился быть рядом, – это пингвин, милое, но дикое и экзотическое для большинства из нас животное.

Думаю, эта фотография как нельзя лучше отражает самосознание патриарха: он чувствует себя умным, сильным, но очень одиноким в своей миссии. Ему необходимы жесты внимания и признательности, как, например, членство в Королевском географическом обществе. И все эти жесты воспринимаются не как формальность и не как дар, а как должное. Да, патриарх Кирилл их действительно заслужил.

И в повседневной жизни патриарх окружен не людьми, а чинами и должностями. Не встреча с прихожанами или духовенством, не пастырская составляющая для него главное, а утверждение – или подтверждение – своего высокого статуса в международной иерархии.

⁴⁷ Опубликовано на сайте Московского центра Карнеги 18 ноября 2016. <http://carnegie.ru/commentary/66170>

Сирийские разногласия

Если говорить о политическом подтексте зарубежных визитов патриарха, то они вполне предсказуемы – это попытка продемонстрировать Кремлю, что Русская Православная Церковь может сыграть – и уже играет – свою роль во внешней политике Российской Федерации. На это намерение ясно указывает центральный тезис в проповеди патриарха Кирилла после освящения собора в Лондоне. Он прямо заявил, что Русская Православная Церковь уже давно в центре отношений России с другими мировыми державами: «Через Церковь является душа народа, и на самом глубоком уровне Церковь представляет свой народ вовне... На духовном и культурном уровне происходит особенно тесное взаимодействие стран и народов, которое не подвержено политической конъюнктуре переживаемого момента»⁴⁸.

Впрочем, степень того, насколько православные и англикане «объединены верой», визит патриарха прояснить не смог. Если после встречи с папой Франциском в феврале 2016 года была подписана совместная декларация, а предстоятели церквей дали совместную пресс-конференцию, то в отношениях с церковью Англии ничего подобного не было – ни совместного заявления, ни совместной пресс-конференции.

Значит ли это, что отношения на самом деле прохладные, а встречи носят исключительно формальный характер? Тут важный индикатор – встреча патриарха Кирилла с королевой Елизаветой. С одной стороны – да, это большой успех церковных дипломатов. Но с другой – встреча прошла весьма формально, а главный для Кремля вопрос – ситуацию в Сирии, – пусть даже только с точки зрения гуманитарного сотрудничества, обсудить не удалось, хотя Русская Церковь на это очень рассчитывала⁴⁹.

Неудобный Блум

Итак, политическая миссия оказалась неудачной, но главные итоги таких поездок следует рассматривать совсем в другом контексте, а именно – в контексте стратегических задач патриарха в отношении русского зарубежья: он лично убедился в том, что встраивание русских приходов в Великобритании в «русский мир» завершилось и больше никаких неожиданностей они не преподнесут. Символическим завершением этого сложного процесса стало повторное освящение русского собора в Лондоне, которое патриарх Кирилл совершил 16 октября.

Старейший русский православный приход в Великобритании был открыт еще при Петре I и в этом году отметил свое трехсотлетие, но отдельная епархия возникла только в середине XX века и долгое время оставалась самой сложной и самой неудобной зарубежной епархией Московского патриархата. С 1962 года и вплоть до своей кончины ее возглавлял знаменитый проповедник XX века – митрополит Антоний (Блум, 1914–2003). Воспитанный в Париже, в семье русских эмигрантов, он сохранил преемство с церковными традициями и культурной жизнью дореволюционной России, с одной стороны, и европейской культурой – с другой. Это позволило ему, оставаясь в Московской Патриархии, организовать жизнь своей епархии на основе решений самого выдающегося Собора Русской Церкви – Поместного Собора 1917–1918 годов. В СССР эти решения не только не были выполнены, но и к середине прошлого века благополучно забыты. Митрополит Антоний отказался от жесткой иерархической модели церковного управления и пригласил мирян к активному участию в управлении как лондонским собором, так и Сурожской епархией.

⁴⁸ <http://www.patriarchia.ru/db/text/4641740.html> (дата обращения 01.04.2018).

⁴⁹ <https://ria.ru/religion/20161017/1479428373.html> (дата обращения 01.04.2018).

Митрополит Антоний критически относился к соглашательской политике Московской Патриархии и не скрывал этого. В начале 1970-х он открыто возмущался тем, что Патриархия одобрила высылку А. И. Солженицына из СССР. Москва вынуждена была мириться с такой исключительной независимостью, так как рычагов давления на митрополита Антония не было – он не был советским гражданином, а его широкая известность в христианском мире была надежной защитой: удаление митрополита Антония с церковных должностей получило бы мировой резонанс.

Церковная деятельность Антония как епископа вряд ли получила бы высокую оценку нынешних пропагандистов «русского мира». Он четко разделял любовь к России и к русской культуре и государственный патриотизм. Он не стремился сохранить русскость и русский язык любой ценой, понимая, что уже третье поколение эмигрантов в отрыве от Родины теряет язык, и свободно проповедовал не только по-русски, но и по-английски, и по-французски. Он с пониманием относился к тому, что в 1980-е годы приход лондонского собора стал в значительной степени англоязычным.

Строй богослужения и вся организация приходской жизни в Сурожской епархии были простыми и скромными, без претензий на византийскую пышность. Митрополит Антоний не только учил, что в центре жизни христианина должен быть сам Христос, но и (большая редкость по нынешним временам) показывал это примером своей жизни. Приезжавшие из Москвы церковные иерархи тихонько возмущались и говорили, что так совершать богослужение нельзя и так управлять епархией неправильно. Московская Патриархия давно желала это «исправить», но удобного случая долго не представлялось.

После краха Советского Союза ситуация изменилась – за границу хлынули трудовые мигранты, которые вскоре составили довольно значительную часть прихожан. В конце 1990-х, в последние годы жизни митрополита Антония, в Сурожской епархии возник конфликт между старыми прихожанами и выходцами из СССР. Последние желали больше прав, больше церковнославянского языка в богослужении, больше русского языка в приходских мероприятиях, но их требования не встречали особого понимания со стороны ближайшего окружения митрополита Антония. Напора приехавших побаивались, как с ними строить отношения – не понимали.

Резкое обострение конфликта произошло в начале 2002 года, после приезда в Лондон молодого епископа Илариона (Алфеева). Он уже был знаком с епархией, так как учился в Оксфорде и в середине 1990-х служил в английских приходах. Митрополит Антоний рассчитывал, что он-то и будет заниматься духовным окормлением русскоязычной паствы. Однако, по всей видимости, в Москве епископ Иларион получил другие инструкции: начать унификацию церковной жизни в соответствии с представлениями Москвы.

Конфликт перешел в открытую фазу, и митрополит Антоний выступил с обращением, в котором довольно жестко призвал епископа Илариона «открыть для себя сущность Сурожской епархии и сформировать мнение о том, готов или нет он продолжать в духе и в соответствии с теми идеалами, которые мы выработали в течение уже 53 лет. Если он не уверен, а мы не уверены, тогда мы, по общему согласию, расстанемся»⁵⁰.

Епископ Иларион критику не признал и вскоре был отозван в Москву, а затем назначен на высокую дипломатическую должность в Брюсселе, которую вполне можно было считать повышением. После избрания в 2007 году его непосредственного начальника, митрополита Кирилла, патриархом Иларион занял его кресло, став председателем Отдела внешних церковных связей. В дни визита в Лондон, уже в сане митрополита, Иларион сопровождал патриарха.

50

<https://web.archive.org/web/20070928063400/http://orthodoxnews.evenworks.net/doodad.fcgi?rcode=10&story=hierarchs6122002125334.shtml> (дата обращения 03.04.2018).

В 2003 году митрополит Антоний после долгой и тяжелой болезни отошел в мир иной. Конфликт разрешить не удалось, и значительная часть старых прихожан и священников ушла из Московской Патриархии. При этом церковного раскола не возникло, а группа несогласных перешла в Русский экзархат, подчиняющийся константинопольскому патриарху.

Десять лет назад, когда конфликт до конца еще не угас, тогда еще митрополит Кирилл посетил Лондон по случаю пятидесятилетия освящения собора. Идеи заново освящать собор в связи с визитом высокого гостя тогда не возникло. Митрополит Кирилл просто совершил литургию.

В то время епархией временно управлял архиепископ Корсунский Иннокентий (Васильев). Затем епархия перешла в управление епископа (ныне архиепископа) Елисея (Ганабы). Он честно говорил, что митрополита Антония ему лично знать не довелось, и главный акцент делал на создании общин для новых переселенцев из бывшего СССР по всей Великобритании и Ирландии. Стиль богослужения постепенно стал точно таким же, как в Москве, в церковное управление вернулась жесткая иерархическая вертикаль, храм наполнился и даже переполнился украинцами, русскими, молдаванами.

Как это назвать? Замещением? Сменой поколений? В любом случае новые прихожане довольны. Они получили именно то, что привыкли получать в церкви по месту своего постоянного жительства. Они не знают и даже не подозревают, что на этом месте была другая церковная жизнь. Новые прихожане рады приезду патриарха и рады дорогому и качественному ремонту в соборе. Они рады, что патриарх высоко оценил труды и самого архиепископа Елисея, и его спонсоров.

Жесткое воссоединение

Но здесь нельзя поставить точку. Визит патриарха Кирилла в Англию имеет важное символическое и стратегическое значение.

Церковные правила говорят о том, что престол, на котором совершается Евхаристия, должен быть освящен особым чином. Первый раз в 1956 году престол собора освятил митрополит Антоний. Зачем потребовалось новое освящение? Это связано с тем, что престол во время ремонта заменили на новый – каменный, и 16 октября 2016 года патриарх Кирилл его освятил. По церковным правилам не может быть иначе. И для архиепископа Елисея это был беспроектный повод пригласить патриарха.

Но многие в этом увидели и еще одно – символическое – значение визита. Ремонт и освящение окончательно закрывают, пожалуй, самую важную страницу истории собора на Эннисмор-гарденс, которая связана с митрополитом Антонием и шире – с историей русского православия в эмиграции. Образ самого митрополита теперь отлит в бронзе и помещен на мемориальную доску – это достойное и совершенно безопасное с точки зрения церковных властей место. Жизнь в Сурожской епархии сегодня организована точно так же, как в России.

Епархии и приходы как ячейки «русского мира» должны быть устроены единообразно для удобства оперативного управления. Собор в Лондоне соответствует этому стандарту. И новый сурожский епископ пригласил патриарха в этом лично убедиться. Мятежников и несогласных больше не будет.

Освящение собора в Лондоне – это знак того, что демонтаж наследия русской эмиграции в приходах РПЦ в Великобритании успешно завершен. Это наследие оказалось довольно хрупким и малопонятным новым прихожанам, демонтаж не составил большого труда, хотя и занял довольно много времени.

Что на очереди? Это правильная, но не совсем корректная постановка вопроса. Дело в том, что «исправить» ситуацию с церковными разделениями в русской эмиграции патриарх Кирилл пытается уже довольно давно. К началу 1990-х, когда он занял должность председа-

теля Отдела внешних церковных связей, помимо довольно независимой Суражской епархии в мире оставались еще три заметных очага русского православия: Православная Церковь в Америке (ПЦА), Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ) и Русский экзархат (РЭ КП) в юрисдикции Вселенского патриарха.

Демонтажем эмигрантского наследия – или, как тогда предпочитали говорить, «преодолением разделений» – митрополит Кирилл был очень озабочен уже в начале 1990-х. Первой на очереди была ПЦА, так как с ней на то время были, как казалось митрополиту Кириллу, самые близкие и доверительные отношения. Действовал он довольно прямолинейно: в кулуарах одной из экуменических встреч он предложил представителям ПЦА добровольно ликвидировать свою автокефалию и вернуться в подчинение Московской Патриархии. Тогда, четверть века назад, он получил вежливый, но довольно твердый отказ, однако впоследствии от своих попыток не отказался.

Спустя десять лет один из ближайших помощников митрополита Кирилла заявил, что автокефалию ПЦА следует признать ошибкой. Вскоре он был вынужден извиниться за эти слова, но тенденция становилась очевидной: митрополит Кирилл не собирался отказываться от своих намерений и был готов ждать, и ждать долго.

Следующий случай представился митрополиту Кириллу в 2008 году, вскоре после избрания нового предстоятеля ПЦА – митрополита Ионы (Паффаузуна). Трудно сказать, что именно пообещали митрополиту Ионе в Московской Патриархии, но митрополит Иона вполне открыто стал выступать за отказ от автокефалии. Синод ПЦА его не поддержал, но митрополит Иона все равно продолжал собирать вокруг себя сторонников. В 2012 году это стало одним из важных аргументов для смещения его с поста предстоятеля Православной Церкви в Америке. Сегодня позиция ПЦА остается неизменной: для добровольной ликвидации автокефалии причин нет. Другими словами, на этом направлении патриарх Кирилл потерпел полное поражение.

Неудачу потерпела и схожая активность митрополита Кирилла в Европе. Русский Экзархат, приходы которого расположены преимущественно во Франции, не прельстился предложениями о самоликвидации, хотя Вселенский Патриархат был в какой-то момент не против такого развития событий. РЭ КП находится в канонической юрисдикции, и, казалось бы, методы силового воздействия к нему применить невозможно, успех могут принести только переговоры. Однако все призывы воссоединиться с Московским Патриархатом были встречены, мягко говоря, прохладно.

Единственным достижением Московской Патриархии следует назвать создание Движения за поместное православие русской традиции в Западной Европе, более известное по своей французской аббревиатуре – OLTR⁵¹. Движение возникло в 2004 году как ответ на обращение патриарха Алексия II с призывом создать в Европе единый митрополичий округ, объединяющий все приходы русской традиции в юрисдикции Московской Патриархии⁵². Романтически настроенные русские эмигранты были несколько лет довольно активны – проводили круглые столы, выступали с заявлениями, но никаких реальных результатов это не принесло, и сегодня OLTR формально существует, но реальной деятельности не ведет.

В результате были выбраны другие, в том числе и более жесткие формы «воссоединения»: судебные иски против экзархата и отъем храмов в пользу Москвы. Самый известный случай – судебное решение 2010 года о передаче Никольского собора в Ницце в собственность России с последующей передачей Московской Патриархии.

Также Московской Патриархии во Франции помог случай. В центре Парижа на набережной Бранли был выставлен на продажу участок земли, который по итогам конкурса был выкуплен Управлением делами Президента РФ для строительства Российского культурного центра

⁵¹ <http://www.oltr.fr>

⁵² <http://mospat.ru/archive/2003/04/nr304091>

и православного храма при нем. В 2016 году строительство комплекса было завершено. Его открытие было приурочено к визиту президента Путина во Францию, и патриарх Кирилл по дороге из Лондона также должен был остановиться в Париже и вместе с президентом открыть культурный центр.

Но визит Путина в Париж сорвался, и патриарх также принял решение в Париж не приезжать. Это очень ярко иллюстрирует тенденцию – храм не имеет самостоятельного значения. На открытие можно послать одного из молодых епископов, а самому даже не появиться, так как без президента России не получится очередного свидетельства о торжестве симфонии государственных и церковных властей. Впрочем, все эти смыслы – и симфонии, и возникшего «духовного превосходства» над Русским Экзархатом – в архитектуре нового храма прочитываются без труда.

Осталась Зарубежная Церковь, но с ней разобраться будет проще. Процесс ее разрушения уже запущен. В 2003 году Владимир Путин встретился с иерархами Зарубежной Церкви и фактически показал, что их воссоединение с Московской Патриархией он рассматривает не только как внутрицерковную, но и как политическую задачу, не безразличную для государства. В 2007 году РПЦЗ вошла в состав Московской Патриархии, и демонтаж слабеющих традиций русской эмиграции – это вопрос 10–15 лет. После того как уйдет старшее поколение епископата и духовенства, а молодое будет подражать епископам и священникам Московской Патриархии, отличить РПЦЗ от МП будет практически невозможно. И тогда встраивание тех зарубежных общин, до которых Московской Патриархии удалось дотянуться, в идеологический монолит «русского мира» будет завершено.

Случайная встреча в Гаване. Зачем патриарх обнимался с папой римским?

53

Отличительной чертой прошлогодней встречи папы Франциска и патриарха Кирилла был подчеркнутый минимализм обстановки: случайное помещение в здании аэропорта Гаваны, сугубо светский интерьер, отсутствие какой-либо соотнесенности с богатой церковной историей, – все это отрывало от почвы, принижало и умаляло как церковное, так и, шире, символическое значение встречи. При этом собрать удалось все мировые СМИ – картинка была очень неожиданная, экзотичная. И надо сказать, что по итогам встречи был принят хороший содержательный документ, где стороны не уклонились от острых и болезненных вопросов двусторонних отношений. Правда, впоследствии каждой из сторон он был прочитан по-своему.

Но это уже история. Сегодня главный вопрос я бы сформулировал так: не была ли эта встреча, по большому счету, случайностью, как и случайное место, выбранное для нее патриархом Кириллом? Ее результаты во многом оказались непредсказуемы, а самое яркое – медийный эффект – слишком мимолетным.

Многое говорит в пользу того, что это именно так. По крайней мере для патриарха Кирилла. Встреча готовилась под покровом секретности – в переговорах участвовали пять преданных патриарху сотрудников, и даже Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви, собравшемуся за неделю до гаванской встречи, патриарх решил ничего не говорить.

И это первый значимый результат гаванской встречи – патриарх показал своему епископату, что он готов пренебрегать церковным уставом (в подобных вопросах патриарх подчиняется Архиерейскому Собору), а епископат в ответ промолчал. В частных разговорах звучали и раздражение в адрес патриарха, и критика, но публично никто высказаться не решился. В результате модель церковного управления в РПЦ стремительно мутирует в сторону архаичной версии папизма. Патриарх единолично принимает ключевые решения, а голос епископата (как Синода, так и Собора) – это всего-навсего декоративное оформление патриаршей воли.

Второй значимый результат опять-таки связан с ситуацией внутри Русской Православной Церкви. Это рост фундаменталистских настроений или, точнее, активизация православных фундаменталистов. Волна жесткой критики, которая обрушилась на патриарха с их стороны, оказалась большой неожиданностью. Тезисы были довольно простые: «Встреча с папой – это предательство православия», «Встреча с еретиком – это измена Святой Церкви». Один из близких к патриарху Кириллу сотрудников Патриархии признался мне, что патриарх не ожидал такой реакции. Более того, было очевидно, что в Патриархии были серьезно этим напуганы.

Возможно, именно поэтому вся повестка православно-католического диалога была вновь сведена к контактам на церковно-бюрократическом уровне. Структуры Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) принимают католические делегации и отправляют к ним свои. Приглашают католиков на свои конференции и ездят к ним. Встреча в Гаване на эти контакты не повлияла.

И прочие контакты, возникшие в последние годы, сохраняются: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет сотрудничает с миланским Католическим университетом Святого Сердца, ряд епископов поддерживают отношения с католическими фондами и движениями. На эти контакты встреча в Гаване тоже не повлияла.

Похоже, патриарх Кирилл вовсе не был заинтересован в серьезном и последовательном развитии отношений с Ватиканом. Если бы было иначе, то он обязательно озаботился бы про-

⁵³ Опубликовано в Republic 14 февраля 2017. <https://republic.ru/posts/79623>

блемой адекватного информирования и прежде всего отказа от формирования образа врага в лице Католической Церкви.

Абсолютное большинство православных в России буквально ничего не знают о современном состоянии Католической Церкви. Православные практически не знакомы с благотворительной деятельностью католических организаций, с состоянием приходской жизни и монашества, с состоянием богословской науки, с современной христианской культурой мира западного христианства. На православных сайтах, как правило, можно встретить только те новости, которые негативно говорят о католиках. А, например, в официальном «Журнале Московской Патриархии» любые публикации католических авторов категорически запрещены.

В этой ситуации было бы важно выпустить большим тиражом брошюру «Православным о Католической Церкви», в которой дать справочную и аналитическую информацию о современном состоянии католичества. Эта брошюра должна была бы свободно распространяться во всех православных приходах. Только так можно действительно противостоять той мифологии или устаревшим фактам, которые уже не первое столетие без изменений кочуют из одного православного издания в другое. Ничего этого не было сделано.

Любая встреча как точка на карте – она может быть как началом, так и завершением пути. Тем, кто надеялся на развитие отношений, очень хотелось увидеть эту встречу как начало пути, но для патриарха Кирилла она, по всей видимости, стала завершением, своего рода личным триумфом, ярким событием в истории его патриаршества. Несколько десятилетий тянулись переговоры о том, где и как встретятся папа Иоанн Павел II (который искренне желал этой встречи) и патриарх Алексий II (который особо к ней не стремился). Затем был шанс, что состоится встреча папы Бенедикта XVI и Алексия II. Но в итоге на этой первой в истории Церквей встрече в соседние кресла уселись папа Франциск и патриарх Кирилл. Появится соответствующая строчка в учебниках по истории Церкви. И для тех, кто тревожится о своем месте в истории, эта строчка бесценна.

А для дальнейшего развития отношений нужен целый ряд конкретных шагов. Во-первых, необходимо последовательно осудить фундаменталистов, которые всех, кто имел какие-либо контакты с католиками, тут же записывают во враги православия. Во-вторых, нужно поддерживать все те долгосрочные программы сотрудничества на уровне епархий, приходов, церковных и благотворительных организаций, которые существуют, как правило, полулегально. В-третьих, надо готовить новые кадры для взаимодействия с Католической Церковью – со знанием языка, современного католического богословия и реалий церковной жизни. Эти кадры не должны оседать только в Отделе внешних церковных связей, они не должны питать исключительно церковно-бюрократические структуры. Но это требует большой и системной работы и, что еще важнее, изменения общего климата в Русской Православной Церкви.

Вскоре после встречи в Гаване митрополит Иларион заявил, что ведутся переговоры о том, чтобы из Католической Церкви в Россию доставить для поклонения мощи древних святых. По-видимому, такое сотрудничество, тесно связанное не только с духовной, но и с материальной выгодой, представляется Московской Патриархии самым органичным.

Два года после Гаваны

54

Два года, прошедшие после встречи папы Франциска и патриарха Кирилла в Гаване, – большой срок. В некотором смысле все уже понятно: идет формирование нового консервативного альянса. Намерения и ожидания сторон проверены и скорректированы, но не обошлось и без неожиданностей.

В конце прошлого года я был на конференции в Риме, где один из сотрудников Папского совета по содействию христианскому единству уверенно и эмоционально рапортовал об успехах в диалоге с Русской Православной Церковью. Помимо встречи в Гаване он приводил только один пример – перенесение из Италии в Москву и Санкт-Петербург мощей святителя Николая. По словам ватиканского чиновника, это было значительное событие, достойное всяческих похвал. Ватикан доволен и не скрывает этого.

В зале на конференции собрались активные католики – ученые, дипломаты, общественные деятели. Они слушали ватиканского чиновника, не скрывая удивления и скепсиса: да, перенесение мощей – это хорошо, но когда начнется содержательный диалог? Вы нам рассказываете про красивую картинку, рапортуете, что мощам поклонилось два миллиона русских паломников, но в то же самое время для значительной части православных в России католики по-прежнему остаются врагами и еретиками. Другими словами, мощи святителя Николая – это отдельно, а сами католики – отдельно. Будут ли какие-то перемены? Где же здесь успехи, которыми можно гордиться?

На эти неудобные вопросы у ватиканских чиновников нет ответа. По всей видимости, они тоже понимают, что перенесение мощей – это исторический максимум. Да, в некотором роде спектакль, но другой красивой картинкой, других достижений не ожидается. Все прочие контакты замкнуты на узкий круг церковных дипломатов и не более того.

Если не богословский диалог, то что?

Есть основания полагать, что вопрос о содержательном богословском диалоге даже не стоит. И это понятно: интересы патриарха Кирилла лежат в совсем иной плоскости. Ему необходимо продемонстрировать активные контакты с Западом в эпоху санкций. У РПЦ должен быть свой политический ресурс в этот трудный для Кремля период, и над формированием этого ресурса надо работать.

Константин Харчев, который в 1984–1989 годах был председателем Совета по делам религий и затем ушел на дипломатическую работу, уверенно говорит о том, что встреча в Гаване состоялась «при содействии Кремля» и «в этом нет ничего необычного и конспиративного»⁵⁴.

Но тогда нет ничего необычного и в том, что богословский диалог и прочие сугубо церковные задачи, которые могли бы быть решены на встрече в Гаване или по ее итогам, не имеют особого значения. Это вишенка на торте: захотим – поставим, а не захотим – не поставим. Не поставили.

И, похоже, Ватикан готов согласиться с тем, что дальнейшее развитие отношений с РПЦ и Россией – это прежде всего политическая задача. Даже плановую смену нунция в Москве вполне можно рассматривать как элемент новой стратегии. Вскоре после встречи в Гаване, в мае 2016 года, нунцием был назначен талантливый и прагматичный ватиканский дипло-

⁵⁴ Опубликовано на сайте Московского центра Карнеги 13 февраля 2018. <http://carnegie.ru/commentary/75517>

⁵⁵ http://www.ng.ru/ng_religii/2016-05-18/5_gavana.html (дата обращения 01.04.2018).

мат Челестино Мильоре. Он перестроил работу нунциатуры, организовал приезд госсекретаря Ватикана кардинала Пьетро Паролина в Россию и его встречу не только с патриархом, но и с президентом России.

Международная проблема, которую РПЦ и Ватикан признали общей зоной ответственности, – помощь гонимым христианам на Ближнем Востоке и в Северной Африке. И это одна из центральных тем в диалоге не только с католиками, но и с англиканами и американскими протестантами. Но вот что примечательно: об этом говорят патриарх Кирилл, митрополит Иларион и еще два-три церковных чиновника. На приходах православные практически ничего не знают о христианах Сирии, и сколько-нибудь широкой программы поддержки христиан в Сирии на уровне приходов или православных благотворительных организаций нет.

Для патриарха Кирилла помощь христианам в Сирии – это прежде всего политический проект. И гуманитарную помощь из России возят межрелигиозные группы, в состав которых входят чиновники Московской Патриархии. Примечательно, как на сайте Отдела внешних церковных связей сформулирован тезис об источниках финансирования одной из акций: «Значительную часть средств, собранных для закупки помощи, составил личный вклад Его Святейшества, который лично курирует проект»⁵⁶.

Минская оговорка митрополита Павла

Два года после встречи в Гаване Русская Православная Церковь успешно уклонялась от богословского диалога, но достигнутый уровень отношений неожиданно вызвал в Ватикане большой энтузиазм.

В середине января священник Иакинф Дестивель, сотрудник Папского совета по содействию христианскому единству, в интервью «Vatican News» уверенно заявил: «У нас одна и та же вера во Христа и одно понимание Церкви, хотя это и находит различные выражения в культурах». *Культурные связи между Россией и Ватиканом «позволяют лучше узнать друг друга и становятся шагами на общем пути к единству»*⁵⁷.

Однако буквально через несколько дней митрополит Минский и Заславский Павел (Пономарев), постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви и один из самых близких к патриарху Кириллу иерархов, в телевизионном интервью делает неожиданное заявление: «Задача униатов – сказать, что у нас один Бог. Извините, так у нас не один Бог, друзья мои. У вас свой Бог, потому что вы по-другому в Бога верите. Вы по-другому его исповедуете. Бог действительно один, но у корпорации свой бог, у какой-то сектантской организации – свой. Они к нашему общему Творцу и Господу никакого отношения не имеют. Господь ведь в Евангелии говорил: “У вас чрево – Бог, у вас мамона – Бог”. У язычников же также идол – бог. Но для нас, православных, это безделушка. Так вот и униаты»⁵⁸.

Другими словами, митрополит Павел отказывает униатам в праве называться христианами. Униаты – это католики восточного обряда, которые находятся в юрисдикции Католической Церкви. И вывод получается однозначный: если у униатов «другой Бог», то и у католиков, которые с ними в одной Церкви, тоже «другой».

Пожалуй, уже давно высшие иерархи Русской Православной Церкви не высказывались так откровенно. И нет сомнений, что митрополит Павел сформулировал не только свое личное мнение. За ним стоит довольно широкий круг тех, кто считает, что у католиков *другая религия, другой Бог*. И необходимо жестко осудить любые контакты православных с католиками, особенно официальные контакты на уровне первых лиц.

⁵⁶ <https://mospat.ru/ru/2018/02/09/news156494> (дата обращения 01.04.2018).

⁵⁷ <https://bit.ly/2JhpvZA> (дата обращения 01.04.2018).

⁵⁸ <https://krynica.info/ru/2018/01/29/mitropolit-pavel-u-pravoslavnykh-i-uniatov-raznyjj-bog> (дата обращения 02.04.2018).

Какими бы официальными комментариями ни сопровождали потом высказывание митрополита Павла, драматизм ситуации очевиден: католики считают, что ведут диалог с братьями по вере, высшая церковная власть в РПЦ пытается их в этом убедить, но значительная часть паствы держит «фигу в кармане», а отдельные активные группы возражают, критикуют, сопротивляются. До последнего времени Московской Патриархии эти «неудобные» настроения удавалось успешно скрывать, но насколько долго это продлится? Откровенное высказывание митрополита Павла может стать причиной глубокой трещины в отношении Ватикана к РПЦ. Такие обвинения долго не забываются.

Но пока Ватикан продолжает считать, что Русская Православная Церковь остается самой крупной и богатой среди множества Поместных Православных Церквей, Россия – и, шире, постсоветское пространство как каноническая территория РПЦ – остается для Ватикана важным направлением и политической, и собственно церковной деятельности.

Однако после десятилетий «церковного возрождения» РПЦ снова переживает глубокий кризис. В России 70 % населения называют себя православными, но только 6 % еженедельно ходят в храм⁵⁹. И рейтинг доверия патриарху Кириллу демонстрирует такой же огромный разрыв: в исследованиях с закрытыми вопросами (выбрать имя из списка) его личный рейтинг находится на том же самом уровне – 70 %, но, как только ставится открытый вопрос (предлагается самому респонденту назвать имя), рейтинг стремительно падает. В начале 2016 года патриарху Кириллу доверяли 7 % опрошенных по открытым вопросам, затем рейтинг упал до критически низких 2–3 % и весь 2017 год оставался на уровне 4–5 %⁶⁰. Если вспомнить, что еженедельно приходящих в храм в России около 6 %, то окажется, что патриарх Кирилл потерял популярность даже у трети своей воцерковленной паствы.

Если брать за основу эти данные, то патриарху Кириллу доверяет сегодня около шести миллионов россиян из 146 миллионов, и в этой ситуации вряд ли можно говорить о православии как о религии большинства, а о патриархе Кирилле как о национальном духовном лидере.

За этот же период рейтинг доверия президенту не опускался ниже 49 %, а в конце прошлого года держался на уровне 58–60 %.

Насколько близкие отношения будет строить Ватикан с таким непопулярным в России патриархом? Вопрос открытый. При всей критике, которая звучит в адрес папы Франциска, рейтинг доверия к нему значительно выше. Например, в США это 70 % на начало 2017 года⁶¹.

* * *

Что же произошло в Гаване? По всей видимости, патриарх Кирилл сумел убедить папу Франциска прямо и открыто сыграть не в старомодный экуменизм, а в новый консервативный альянс. Экуменизм как идея объединения или хотя бы даже сближения Церквей больше не выглядит привлекательным. Это были «игрушки» XX века, и патриарх Кирилл еще двадцать лет назад отказался от экуменической позиции, которую занимал в юности.

После встречи в Гаване ревизии подверглись принципы сотрудничества: 1) решающее значение имеет не богословие, а общие «традиционные ценности»; 2) совместное действие – это не молитва и богослужение, а благотворительные и социальные проекты.

Таким образом, патриарх Кирилл встраивает диалог Православной и Католической Церквей в секулярный контекст. Даже в общении между собой Церкви выступают не как христианские общины, а как *общественные силы*, сочетающие политическое влияние, финансовые возможности и риторику традиционных ценностей.

⁵⁹ <http://www.pewforum.org/2014/02/10/russians-return-to-religion-but-not-to-church> (дата обращения 02.04.2018).

⁶⁰ <https://www.levada.ru/2017/10/26/oktyabrskie-rejtingi> (дата обращения 02.04.2018).

⁶¹ <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/01/18/favorable-u-s-views-pope-francis> (дата обращения 02.04.2018).

Святой и Великий Собор: победа или поражение?

62

Более полугодя прошло со дня окончания Святого и Великого Собора Православной Церкви на острове Крит (18–26 июня 2016). Можно ли говорить о том, что в России идет рецепция решений Собора или, наоборот, Русская Церковь отказалась принимать его итоговые документы? Как ни странно, оба ответа неправильные. Есть третий вариант – забвение. И это не случайно. Забвение вполне оправданно, если рассматривать Собор как арену борьбы за влияние в православном мире. Русская Церковь не приехала на Собор и в глазах большинства Православных Церквей от этого сильно проиграла. Вместе с тем в разных Церквях есть группы, которые поддерживают это решение. Сегодня РПЦ хочет переписать или хотя бы закрыть эту неудачную для нее страницу церковной истории.

В данной статье автор намеренно не затрагивает такие темы, как полемика вокруг регламента Собора или содержательная критика его документов. Это предмет отдельного исследования. Задача, которую ставит автор, более скромная: реконструировать, опираясь на документы, логику действий Русской Православной Церкви и, в частности, патриарха Кирилла в период подготовки Собора, в момент отказа от участия в нем и затем в отношении принятых на Соборе документов.

РПЦ: отказ «за компанию»

Святой и Великий Собор Православной Церкви стал центральным событием для православного мира в 2016 году. Однако символом всеправославного единства и торжеством соборности он не стал: десять Церквей из четырнадцати приехали на Собор, а четыре в самый последний момент отказались.

И последней среди отказавшихся стала Русская Православная Церковь (РПЦ). Официальная причина, сформулированная в специальном заявлении Синода от 13 июня 2016 года, – это отсутствие «согласия Блаженнейших Предстоятелей всех общепризнанных Поместных Автокефальных Православных Церквей»⁶³, то есть отказ Антиохийской, Грузинской и Болгарской Церквей делает невозможным проведение Собора, и поэтому Русская Церковь вслед за ними отказывается от участия. Возникла цепная реакция: Антиохия отказалась от участия из-за конфликта с Иерусалимом, Болгария отказалась по не очень внятно сформулированным причинам (не исключено, что участие в Соборе она посчитала слишком дорогим с финансовой точки зрения), Грузия отказалась из-за несогласия с рядом документов, а Русская Церковь отказалась, так сказать, за компанию. В итоге получается, что принцип консенсуса, который рассматривался в период подготовки как один из основополагающих, стал главной причиной неудачи Собора.

Кто виноват? Приехавшие и не приехавшие на Собор обвиняют в этом друг друга. Можно предположить, что для РПЦ консенсус – это не только декларируемый принцип, но и в случае с Собором дипломатический ход. Нигде в практике РПЦ принцип консенсуса не применяется. Даже в Священном Синоде мнения несогласных могут быть проигнорированы, если патриарх однозначно поддерживает то или иное решение.

⁶² Опубликовано в «Россия в глобальной политике». № 1, 2017.

⁶³ О ситуации, возникшей в связи с отказом ряда Поместных Православных Церквей от участия в Святом и Великом Соборе Православной Церкви. Заявление Священного Синода от 13 июня 2016 года. Патриархия.ру // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4538241.html> (дата обращения 20.10.2016).

В чем же тогда реальная проблема? По всей видимости, патриарх Кирилл исходил из того, что успех или провал Собора связаны прежде всего с качеством документов, которые будут на нем приняты. Он не мыслит соборность как процесс, как *состояние*. Для него соборность – это прежде всего конкретный, осязаемый результат. Если делегации Поместных Церквей собрались вместе, то самого факта открытого, доверительного общения недостаточно. Необходимы качественные, гладкие, непротиворечивые документы.

Если бы патриарх Кирилл воспринимал соборность как *процесс*, то качество документов не имело бы такого решающего значения. Их можно было бы или еще раз отредактировать на Соборе (что и было в итоге сделано, но существенно лучше документы не стали), или отложить и принять позже, или даже принять, а через несколько лет подготовить новую редакцию. На этой позиции стоял Вселенский патриарх Варфоломей. Сам факт встречи и начало общего разговора он считал самым важным достижением, и с ним были согласны те десять Церквей, которые приехали на Собор.

Подготовка Собора: патриарх Кирилл не ожидал критики

До февраля 2016 года подготовка Собора шла благополучно: удавалось соблюсти режим секретности при подготовке документов, на январском Синаксисе в Шамбези предстоятели Православных Церквей согласились со всей – довольно существенной – правкой по документам, которую предложил патриарх Кирилл. Трения между предстоятелями Церквей были, но незначительные. Патриарх Кирилл без оговорок поставил свою подпись под решением о проведении Святого и Великого Собора.

В начале февраля проекты соборных документов стали главным вопросом в повестке дня Архиерейского Собора РПЦ. Однако патриарх посчитал чистой формальностью утверждение этих документов на Архиерейском Соборе. Он был уверен в том, что качество документов превосходное и дополнительных обсуждений они не требуют. В регламенте Архиерейского Собора он заложил так мало времени на эти вопросы, что всем было ясно – обсуждения патриарх не ждет, только голосования.

Критики его подход не вызвал. Епископы России, Украины и Белоруссии согласились с позицией патриарха Кирилла и приняли все проекты документов с внятной, безусловно положительной формулировкой: «Члены Архиерейского Собора свидетельствуют, что в своем нынешнем виде проекты документов Святого и Великого Собора не нарушают чистоту православной веры и не отступают от канонического предания Церкви»⁶⁴. Это крайне важное решение, как многим тогда казалось, давало зеленый свет финальному этапу подготовки Собора. После Архиерейского Собора РПЦ все были убеждены – Всеправославный Собор неминуемо состоится.

Однако уже через несколько недель после Архиерейского Собора Святой и Великий Собор стал страшной головной болью для патриарха Кирилла.

В чем же дело? Откуда взялась головной боли? Следующим этапом стала официальная публикация проектов соборных документов. Именно в феврале всем удалось познакомиться с тем, на каких позициях стоят предстоятели Православных Церквей по вопросам автономии, диаспоры, брака, поста, миссии Церкви в современном мире и проблемам отношений с остальным христианским миром.

Неожиданным для патриарха Кирилла оказался шквал критики, которая поднялась в Русской Церкви (и не только) после публикации проектов документов.

Казалось бы, после четких постановлений Архиерейского Собора и одобрения епископата любую критику документов патриарх мог бы воспринимать по крайней мере спокойно.

⁶⁴ Там же.

Но, по всей видимости, патриарх боится критики справа, так как считает, что это самая могущественная и влиятельная группа среди духовенства и мирян в РПЦ.

Критику православных фундаменталистов патриарх Кирилл воспринял очень болезненно, так как всем было хорошо известно – он лично на протяжении последних лет курировал подготовку этих документов и участвовал в их редактировании. Но это относится к области эмоций, а вот практические последствия оказались на тот момент непредсказуемыми. По всей видимости, патриарх понял: быстро переписать документы, чтобы они устроили и фундаменталистов, и большинство епископата, не получится, а раз так, то провала Собора не миновать.

На самом деле жесткая реакция фундаменталистов была вполне предсказуемой. В большинстве документов была предпринята попытка соблюсти «баланс интересов», но в итоге они не устроили ни либералов, ни фундаменталистов. По ключевым вопросам – таким как отношение к экуменизму и инославию – никакого баланса быть не могло. Здесь сталкиваются две разные экклезиологические модели, между которыми нет точек соприкосновения. Кроме того, ряд документов морально устарел, так как за основу были взяты разработки двадцати – тридцатилетней давности, а ведущие современные богословы к редактированию документов не привлекались.

Кстати, большим достижением предсоборного процесса и дискуссий на самом Соборе следует признать сам факт того, что эти противоречия оказались проявлены, очевидны для многих.

Под огнем критики со стороны фундаменталистов оказались многие предстоятели Поместных Церквей. Что в этой ситуации можно было сделать? Те, кто приехал на Собор, согласились с Вселенским патриархом Варфоломеем, который принял спокойное решение: Церковь не может показывать свою зависимость от фундаменталистов, и если решение о проведении Собора принято, то менять его никому не следует. Патриарх Кирилл принял прямо противоположное решение – полный отказ от участия в Соборе. Какое из них лучше? Видимо, то, которое патриархи Варфоломей и Кирилл приняли бы совместно. Но этого не случилось.

Какой был выбор?

Решение патриарха Кирилла – явно неудачное. Оно убедительно показывает лишь одно: Русская Церковь не готова к диалогу с другими Церквами лицом к лицу. Отвлеченные принципы оказались выше, чем реальная соборность.

Между тем было как минимум три альтернативных варианта. Во-первых, патриарх Кирилл, как и предстоятели других отказавшихся Церквей, мог приехать на Крит на один день и принять участие в Божественной литургии в день Пятидесятницы, которую совершали все участники Собора. Во-вторых, он мог приехать на Малый Синаксис⁶⁵, высказать там свои опасения или претензии и не остаться на Собор. В-третьих, делегация РПЦ могла приехать на Собор и заблокировать документы, которые требовали дальнейшего редактирования, или даже демонстративно покинуть зал заседаний, уйти с Собора, если бы остальные Церкви отказались выслушать ее позицию.

Однако патриарх Кирилл просто не приехал. Почему он отказался от последней возможности внести правку в те документы, над которыми так долго работал, непонятно. В итоге и по его личной репутации, и по авторитету РПЦ нанесен серьезный удар.

⁶⁵ Малый Синаксис – совещание предстоятелей Православных Церквей.

После Собора

Через три недели после завершения Святого и Великого Собора состоялось заседание Синода Русской Православной Церкви, и отдельный журнал был посвящен итогам Собора.

Постановления Синода (Журнал № 48 от 15 июля 2016)⁶⁶ довольно подробно описывают позицию Московского Патриархата. Характерно, что официальное название Собора – «Святой и Великий Собор Православной Церкви» – в документах Синода используется только при описании подготовки Собора, а по его итогам встречаются два новых наименования: «Собор Предстоятелей и иерархов десяти Поместных Православных Церквей» и «Собор на Крите». Таким образом *de facto* Священный Синод отказывается признавать Святой и Великий Собор состоявшимся, а его итоговые документы, соответственно, обязательными для исполнения, однако прямо об этом нигде не говорится.

В справке, которая обычно публикуется вместе с решением Синода, есть еще одно важное свидетельство: «По поступающим сообщениям, ряд иерархов различных Поместных Православных Церквей, принимавших участие в Соборе, заявили, что отказались подписать документ “Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром” ввиду несогласия с его содержанием».

Эта фраза говорит о том, что Синод побоялся оказаться в двусмысленной ситуации: с одной стороны, к документам возникли претензии, но, с другой, как было сказано выше, все проекты документов без какой-либо правки утверждены Архиерейским Собором РПЦ в феврале. Получается, что одобрение документов было поспешным и непродуманным? Показать это явно патриарх Кирилл не мог, поэтому и он, и Синод решили скрыться за спиной сербских епископов, которые в большинстве своем на Соборе документ не поддержали.

Вместе с тем в п. 1 Собор признается «важным событием в истории соборного процесса в Православной Церкви, начатого Первым всеправославным совещанием на острове Родос в 1961 году».

В п. 2 подчеркивается, что «основу общеправославного сотрудничества на протяжении всего соборного процесса составлял принцип консенсуса».

В п. 3 констатируется, что проведение Собора при отсутствии согласия со стороны ряда автокефальных Православных Церквей нарушает принцип консенсуса, и поэтому «состоявшийся на Крите Собор не может рассматриваться как всеправославный, а принятые на нем документы – как выражающие общеправославный консенсус».

Особый акцент на принципе консенсуса в решениях Синода позволяет предположить, что горячие споры по этому вопросу будут продолжены в ближайшие годы. Выше уже упоминалось, что принцип консенсуса не используется в практике РПЦ, но он не использовался и на Вселенских Соборах. А при безответственном отношении к всеправославному единству, которое продемонстрировали некоторые Церкви, не приехавшие на Собор, применение этого принципа может привести к тому, что проведение Всеправославного Собора станет невозможным в принципе.

В п. 4 звучит очень лаконичная ссылка на документы Антиохийской Церкви: «...отметить в связи с этим позицию Священного Синода Антиохийского Патриархата». По всей видимости, речь идет о Заявлении⁶⁷ секретариата Священного Синода Антиохийской Церкви от 27.06.2016. В частности, в этом документе говорится: «*Считать собрание на Крите предва-*

⁶⁶ Журналы заседания Священного Синода от 15 июля 2016 года. Патриархия.ру // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4561903.html> (дата обращения 19.10.2016).

⁶⁷ Statement of the Secretariat of the Holy Synod of Antioch. Balamand, 27 June 2016. Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and All the East // <http://antiochpatriarchate.org/en/page/1448/#English> (дата обращения 24.10.2016).

рительным собранием на пути к Всеправославному Собору и, следовательно, считать его документы не окончательными, но открытыми для обсуждения и дополнения после созыва Великого Всеправославного Собора, который состоится в присутствии и с участием всех Автокефальных Православных Церквей». Примечательно, что дать из этого заявления цитату Синод РПЦ не решился, но аккуратно выразил солидарность с этой позицией.

В последнем, пятом пункте Синод поручает Синодальной Библейско-богословской комиссии «по получении официально заверенных копий одобренных Собором на Крите документов опубликовать их и изучить, принимая также во внимание могущие поступить отклики и замечания Преосвященных архиереев, духовных учебных заведений, богословов, клириков, монашествующих и мирян. По итогам всестороннего изучения представить выводы Священному Синоду».

При всей кажущейся простоте и ясности, это самый неоднозначный пункт синодальных решений. Именно он санкционирует забвение. Как тут не вспомнить известную бюрократическую присказку: «Хочешь загубить дело – создай комиссию». Так и здесь: комиссии дано поручение, как и когда оно должно быть выполнено – не сказано. И это значит, что можно не торопиться. Официальная публикация документов Собора сделана на малопосещаемом сайте Синодальной Библейско-богословской комиссии⁶⁸, ни в «Журнале Московской Патриархии», ни на официальном сайте Патриархия.ру эти документы до сих пор не опубликованы. Более того, в разделе «Всеправославный Собор»⁶⁹ на официальном интернет-сайте РПЦ все публикации сделаны в конце января 2016 года. В дальнейшем этот раздел не пополнялся.

«...И правильно, что не поехали»

В российских средствах массовой информации Московская Патриархия сумела организовать практически 100 %-ную поддержку своей позиции.

К редким исключениям можно отнести специальный проект «Всеправославный Собор. Крит. 2016»⁷⁰ портала «Рублев. com», который стремился сбалансированно освещать подготовку, ход и итоги собора – публиковал мнения и комментарии как сторонников, так и противников проведения Собора. На этом сайте был предложен уникальный формат представления документов – сравнение проекта принятых документов и их окончательную версию, позволяющий увидеть и проанализировать последнюю правку.

К исключениям стоит отнести и круглый стол «Святой и Великий Собор Православной Церкви 2016: значение, проблемы, перспективы»⁷¹ в культурном центре «Покровские ворота».

Однако подавляющее большинство российских средств массовой информации – как церковных, так и государственных – выступало с позиций Московской Патриархии.

Вольно или невольно, но своим отказом от участия в Святом и Великом Соборе патриарх Кирилл дал зеленый свет новой волне изоляционистских настроений внутри Русской Православной Церкви.

Для того чтобы в глазах членов Церкви сделать официальный отказ от участия в Соборе не скандальным, а позитивным решением, негласно была разрешена любая, в том числе и самая радикальная, критика Святого и Великого Собора. Здесь особо отличились не только фунда-

⁶⁸ Опубликованы документы Критского Собора 18–26 июня 2016 года. Синодальная Библейско-богословская комиссия // <http://theolcom.ru/events/114-opublikovany-dokumenty-kritskogo-sobora-18-26-iyunya-2016-goda> (дата обращения 24.10.2016).

⁶⁹ Патриархия.ру // <http://www.patriarchia.ru/db/document/4361821/> (дата обращения 24.10.2016).

⁷⁰ «Всеправославный Собор. Крит. 2016». <http://sobor2016.rublev.com> (дата обращения 19.10.2016).

⁷¹ Зайцева Юлия. Круглый стол «Святой и Великий Собор Православной Церкви 2016: значение, проблемы, перспективы» состоялся в Москве. Агентство религиозной информации «Благовест-инфо», 14.07.2016. <http://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=68834> (дата обращения 19.10.2016).

менталистские группы, но и такой уважаемый ресурс, как контролируемый епископом Тихоном (Шевкуновым) интернет-журнал «Православие.ру».

В РПЦ активность фундаменталистов возросла в начале 2016 года, вскоре после встречи патриарха Кирилла с папой римским Франциском. Тогда вся их критика была направлена исключительно на патриарха Кирилла и его решение встретиться с папой Франциском, но к весне их активность уже улеглась.

Московская Патриархия решила вновь пробудить энергию фундаменталистов и направить их критику на Собор и лично на Вселенского патриарха Варфоломея, который не послушался голоса четырех Церквей и поэтому может быть обвинен в папских замашках.

Делалось это в большинстве случаев грубо, в стиле государственной пропаганды. Так, государственное информационное агентство ТАСС цитирует доцента Санкт-Петербургского университета диакона Владимира Василика, который утверждает, что *«Константинопольская Православная Церковь пытается установить диктатуру в отношениях с другими 13 Поместными Православными Церквями... Константинополь призывают сделать срочную работу над ошибками в преддверии Всеправославного Собора... И, тем не менее, с ослиным упрямством бюрократы Константинопольского Патриархата надменно презирают своих собратьев, не желают ничего менять. Тем самым они идут против полноты Православной Церкви, тем самым они показывают, что желают установления диктатуры Константинопольского Патриархата»*⁷². Здесь показательны не только аргументы, но и тон высказывания. Примечательно, что первую фразу из приведенной выше цитаты дословно приводит в своей статье в преддверии Собора Вячеслав Никонов, председатель правления фонда «Русский мир»⁷³.

Довольно радикальные высказывания стали себе позволять даже близкие к патриарху Кириллу люди. Так, исполнительный директор Правозащитного центра Всемирного русского народного собора, доктор исторических наук Роман Силантьев в комментарии телеканалу ТВЦ заявил: *«Патриарх Варфоломей – инструмент в руках американцев и Эрдогана. С его помощью хотят нанести удар по России, по РПЦ. Хотят нанести удар по мировому православию. Заставить принять такие документы, которые вызовут отторжение у значительной части верующих»*⁷⁴.

В целом Московская Патриархия умело сыграла на антиевропейских и изоляционистских настроениях в российском обществе. Государственная пропаганда подготовила для этого хорошую почву и предоставила свои медиаресурсы для продвижения точки зрения РПЦ.

Святой и Великий Собор – уже история, но продолжается борьба за интерпретацию его результатов, и, по всей видимости, Православную Церковь снова ждет разделение: в зоне информационного и политического влияния Вселенского Патриархата результаты Собора будут оцениваться как положительные, а в зоне влияния России – как негативные.

⁷² Константинопольский Патриархат отказывается переносить дату начала Всеправославного Собора. ТАСС. 06.06.2016 // <http://tass.ru/obschestvo/3343819> (дата обращения 20.10.2016).

⁷³ Никонов Вячеслав. Всеправославная тревога. Эксперт-Online, 10.06.2016 // <http://expert.ru/2016/06/10/sobor> (дата обращения 24.10.2016).

⁷⁴ Всеправославный Собор созван с нарушением регламента. ТВ-Центр. 17.06.2016 // www.tvc.ru/news/show/id/94635 (дата обращения 20.10.2016).

III. Медиа

Три огня

75

День Победы – государственный и гражданский праздник. К церковной жизни прямого отношения, казалось бы, не имеет. Но христиане участвуют в его праздновании, и поэтому не стоит уклоняться от христианской интерпретации тех образов и символов, которые включены в праздничный ритуал, тем более что в последние годы в праздновании возникает новый акцент, который позволяет говорить о претензиях на переосмысление христианских традиций. Может ли празднование Дня Победы носить исключительно светский характер?

При всей своей *очевидности* День Победы – сложный праздник. Он предполагает воспитание и испытание наших чувств. В нем переплетаются радость и скорбь, шум торжества и напряженное молчание. Инфантильная прямолинейность современной массовой культуры не просто чужда, она оскорбительна для этого праздника.

День Победы – это праздник воцарения мира, праздник *окончания* войны, а не возгревания воинственности. День Победы – это не праздник силы и мощи. Это праздник мужества, стойкости и жертвенности. И это память о погибших, которые есть в каждой нашей семье. И еще это день правды. Ни война, ни Победа не могут рассматриваться сами по себе. Они находятся в большом историческом контексте. Это и память о союзниках, которая удерживает от полной «национализации» Победы. Это и трагедия неоконченной гражданской войны, раскулачивания и «большого террора»...

Для многих семей День Победы – праздник немногословный, воспоминания о войне не сохранились. Те, кто выжил, о ней почти не рассказывали. Пока они были живы, 9 мая они встречали молча. Молчали и плакали.

Накануне 9 мая священник Сергей Круглов напомнил замечательные слова композитора Арво Пярта:

За паузой стоит вечность... Это тот хлеб насыщенный, который нам нужен, чтобы остановиться, чтобы размышлять, чтобы оценить наше слово сказанное. Или слово, которое будет сказано. Которое, может быть, не надо говорить. Это тоже пауза. Пауза – это концентрация всех сил... в идеальном смысле пауза – это ядро мудрости⁷⁵.

Пауза – это то самое молчание ветеранов, и нам надо его услышать. За этим молчанием стоит вечность. Стоит об этом вспоминать хотя бы изредка. И всем вместе, всей стране – в День Победы.

Радость без гордости, примирение без превозношения, память без озлобления...

Поколение ветеранов войны уже ушло. Сейчас на наших глазах уходит поколение детей войны. Им сейчас уже далеко за 70. Нам важно сохранить этот праздник таким, каким они его праздновали.

Культ огня

В последние годы видно, какие усилия предпринимает государство по «модернизации» Дня Победы, придавая ему статус главного праздника страны. Есть и частные инициативы,

⁷⁵ Опубликовано на сайте «Православие и мир» 13 мая 2015. <http://www.pravmir.ru/tri-ognya>

⁷⁶ *Шлапинс Илмарс*. «Иногда совершаются чудеса...» Интервью с эстонским композитором Арво Пяртом // Ригас Лайкс. <http://baznica.info/article/rigas-laiks-inogda-sovershayutsya-chudesa> (дата обращения 03.04.2018).

получившие самое широкое распространение. Например, акцию «Бессмертный полк», которая приобрела сегодня общенациональный масштаб, в 2012 году придумали журналисты независимой томской телекомпании ТВ2, недавно закрытой без объяснения причин.

Развиваются и старые советские ритуалы. Самыми сомнительными и противоречивыми из них остаются те, что связаны с «вечным огнем». Мне, как христианину, кажется странным, что в начале XXI века огонь стал для России столь важным и значимым символом. Он оказался прочно связан не только с церковными практиками, но и с крупнейшими событиями в жизни страны, которые, на первый взгляд, никак не связаны с религией. Шествие с огнем – *лампа-додромия* – это не только шествие (перелет) из Иерусалима в Москву с благодатным огнем, с прошлого года это и эстафета с огнем олимпийским, а с нынешнего – шествие по всей России с огнем «вечным».

28 апреля делегации ветеранов и государственных чиновников из 27 регионов собрались в Москве у могилы Неизвестного солдата, чтобы получить «частицы вечного огня» и отвезти их в свои регионы и там зажечь свои «вечные огни».

Как получилось так, что языческие ритуалы Древней Греции и Рима, основательно забытые, но в рамках олимпийского движения возрожденные Третьим рейхом, сегодня в столь различных формах используются в России?

В 2015 году Россия определилась: у нас есть три «культовых» огня, получивших признание и поддержку государства: благодатный, олимпийский и «вечный». Каждому – свой срок и свое время. Эта триада вполне отражает не только иерархию главных событий, но и главных ценностей России.

Культ «**благодатного огня**» расцвел в России тринадцать лет назад, когда возник проект блиппоездки в Иерусалим с целью привезти его к началу Пасхальной службы в Москву, а в последние годы и в многие другие города России. Именно благодаря поездкам за благодатным огнем были отработаны такие важные элементы современной лампадодромии, как безопасные фонарики, технология провоза открытого огня в салоне самолета и сопровождение церемонии телевизионной трансляцией.

Поклонение огню – это, конечно, язычество. Но это не простое, а «мощное» язычество. Оно увлекает, оно «красивое». Изначально благодатный огонь не самостоятелен – схождение огня предваряет пасхальные торжества. Но, отделяясь от празднования Пасхи и превращаясь в самостоятельное событие, поклонение огню может свидетельствовать в том числе и о неспособности современных православных противостоять языческому соблазну. Возжигание лампад перед самой главной (пасхальной) службой в Храме Гроба Господня – это древняя литургическая традиция. Ее надо сохранить, но вряд ли нужно «переосмысливать», отрывая от празднования Пасхи.

Культ «**олимпийского огня**» был частью программы Зимней олимпиады в Сочи. То, как изощренно и изобретательно отнеслись к этой эстафете в России (включая погружение под воду), удивило многих. И мне об олимпийском огне пришлось написать отдельно⁷⁷.

Второе рождение **культ**а «**вечного огня**» в этой триаде на первый взгляд неожиданно, но в целом вполне закономерно. В год празднования 70-летия Победы организаторы торжеств решили взять новую планку празднования, причем с особой визуальной привлекательностью, хорошей телевизионной картинкой, чтобы транслировать можно было на всю страну и весь мир.

И шествие с огнем, и зажигание «вечного огня» в разных городах в эту концепцию ложатся идеально: есть и столичная составляющая, и правильная региональная локализация. Словом, с точки зрения шоу – все сделано правильно.

⁷⁷ Чапнин Сергей. Древний огонь в современной России. http://chapnin.ru/articles/drevniy_ogon_v_rossii_258

Ну, и по нынешним временам еще один важный аргумент – импортозамещение. Благодатный огонь ввозят в Россию из Иерусалима. Олимпийский – из Греции. А «вечный» у нас свой, далеко ходить не надо – прямо у Кремлевской стены.

«Вечный огонь» в литургической поэзии

В этом году через десять дней после Пасхи умер мой отчим. На отпевании, напутствуя его в жизнь вечную, мы молились: «Трисиятельное единаго Божества, благочестно поем вопиюще: Свят еси, Отче Безначальный, Собезначальный Сыне, и Божественный Душе: просвети нас верою Тебе служащих, и *вечнаго огня* исхити».

И утром, читая молитву ко Пресвятой Богородице, просим ее: «Избави мя *огня вечнующего* [вечного], и червия же злаго, и тартара». В Ветхом и Новом Завете образ огня многозначный: это может быть и огонь Богоявления, и огонь суда и проклятия. В литургической поэзии и святоотеческой литературе устойчивое выражение «огонь вечный» становится однозначным образом суда, недостойного отношения к святыне, покаяния заповедей. И молитвенное прошение здесь буквально одно единственное – избавить, «исхитить» нас от этого огня.

История «вечного огня» в Европе

Новейшая история «вечного огня» восходит к мемориальному огню, который был зажжен в 1923 году на могиле Неизвестного солдата в Париже. Эта идея возникла в самой атеистической стране Западной Европы – Франции, которая со времен Французской революции последовательно конструировала свою гражданскую религию. При описании мемориала в некоторых источниках можно встретить слова о том, что это первый «вечный огонь» в Европе с... конца IV века. Последний император неразделенной Римской империи, святой Феодосий Великий, запрещая публичное отправление языческих культов, погасил главный «вечный огонь» Древнего Рима в храме Весты, богини домашнего очага. Этот храм располагался в Риме неподалеку от храма Цезаря на римском форуме и символизировал собой главный домашний очаг – очаг в доме императора, «очаг государства». Тысячу лет – со времен царя-жреца Нумы Помпилия (VII в. до н. э.) и до Феодосия Великого – в нем постоянно поддерживался священный огонь.

Император Феодосий, как христианский правитель, не проводил жесткой религиозной политики, гонений не инициировал, но провел II Вселенский Собор, утвердил никейское исповедание веры и завершил эпоху арианских споров. Его указ о запрете публичного отправления языческих культов привел к тому, что после 393 года не только был погашен священный огонь в храме Весты, но перестали проводиться Олимпийские игры, также прямо связанные с культом огня.

С тех пор и до XX века Европа не знала никаких примеров «вечного огня».

«Вечный огонь» в Советском Союзе

Первый «вечный огонь» был зажжен накануне празднования 10-летия Победы в поселке Первомайский (Щёкинский район, Тульская область) 6 мая 1955 года. Строго говоря, «вечным» его назвать нельзя, так как на протяжении ряда лет его зажигали несколько раз в год: в День Победы, день начала Великой Отечественной войны, День защитника Отечества, день освобождения Щёкино – 17 декабря.

Первым действительно «вечным» огнем (никогда не прекращавшим гореть) стал огонь на Марсовом поле в Ленинграде, зажженный 6 ноября 1957 года, накануне 40-летия Октября-

ского переворота, не в честь погибших в Великой Отечественной войне, а в честь «героев революции». Через несколько месяцев «вечный огонь» был зажжен в Севастополе на Малаховом кургане. Это было не в День Победы, а в День Советской Армии и Военно-Морского Флота – 23 февраля 1958 года.

В Москве сегодня горят три «вечных огня» – на Преображенском кладбище (зажжен 9 февраля 1961 года), у Кремлевской стены (зажжен 8 мая 1967 года) и на Поклонной горе (зажжен 30 апреля 2010 года). Примечательно, что огонь на Преображенском кладбище и огонь у Кремлевской стены зажжены от «революционного» огня на Марсовом поле. С точки зрения большевиков память «жертв революции» была первична по отношению к памяти павших в Великой Отечественной войне, и главным огнем в СССР был огонь на Марсовом поле.

«Вечный огонь» у Кремлевской стены зажег первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. С этих пор «соперничество» двух огней стало неизбежным. Огонь у резиденции главы государства – вспомним римский «очаг государства» в храме Весты – претендовал на первенство, стремился победить «огонь революции». Но произошло это только спустя пятьдесят лет, когда идеалы Октябрьской революции были признаны неактуальными.

Сегодня по России горит более двухсот «вечных огней».

Поиски христианского оправдания «вечного огня»

Итак, христиане оказались в ситуации «двоеверия»: с одной стороны – вечный огонь как закрепленный в литургической традиции образ ада, с другой стороны – сформированный советской властью образ памяти о погибших за Отечество воинах, важная часть многочисленных мемориальных комплексов.

Можно ли примирить эти два огня? Или, точнее, «воцерковать» второй огонь?

Несколько лет назад в дискуссиях о восприятии «вечного огня» как нейтрального (нерелигиозного) символа появился примиренческий аргумент о том, что это светский аналог свечи или лампы. Но, на мой взгляд, он не работает и как раз подтверждает, что «вечный огонь» относится к парарелигиозным практикам. Ведь свеча или лампада существуют не сами по себе. Они возжигаются перед священным образом как знак нашего приношения, молитвы. И здесь особую символическую роль играет материал – воск и масло. В сегодняшних «вечных огнях» горит газ. «Вечный огонь» может гореть на могиле, перед памятником Родине-Матери, перед стелой. И если принимать аргумент про «свечу/лампаду» всерьез, то получается, что принимающие этот огонь поклоняются:

- 1) героям (культ предков);
- 2) Земле в образе матери (язычество);
- 3) фаллическому символу силы.

Не уверен, что христиане могут присоединиться к чему-либо из перечисленного.

Есть и другой подход, согласно которому эти два «вечных огня» следует считать омонимирами. Они возникли независимо друг от друга и существуют в разных контекстах: церковном и светском. Этот аргумент мне кажется более интересным. Более того, он может быть вполне приемлем для тех, кто привык жить «вне религиозного контекста», кто считает себя свободным от христианской традиции.

Сложнее дело обстоит с христианами. Зная языческие корни вечного/священного огня и принимая церковное почитание императора Феодосия как святого, согласиться с омонимией гораздо труднее. Для христианина примирить существующие практики через «омонимию» – значит зафиксировать двоеверие как норму. Да, в храме и дома мы молимся избавить нас от вечного огня, а в День Победы добровольно идем к этому огню и возлагаем цветы.

Здоровый цинизм советской эпохи породил весьма характерный церковный анекдот: «9 мая православное духовенство посетило Могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Иерархи в скорбном молчании созерцали Вечный огонь, уготованный сатане и аггелам его».

Собственно, Церковь ясно понимала эту проблему еще тридцать-сорок лет назад, но не принимать участие в церемонии тогда не могла.

Словом, омонимия как вариант решения проблемы не подходит.

Я вижу три варианта решения проблемы: два радикальных и один компромиссный.

Первый вариант (радикальный). Отредактировать богослужебные тексты и убрать из них упоминание про вечный огонь. Так будет спокойнее. В этом случае проблему можно решить исключительно внутрицерковными средствами. Думаю, в богослужебных и святоотеческих текстах это словосочетание встречается не более двухсот раз. Польза очевидна: те православные, которые привыкли ходить к «вечному огню», могут ничего не менять в своей жизни, а государство точно не заподозрит Церковь в «непатриотичности».

Второй вариант (радикальный). Вступить в переговоры с государством и добиться того, чтобы оно в лице православного президента Путина погасило «вечный огонь». Вряд ли мусульмане будут против. А плюсы очевидны: экономия газа по всей стране и главный бонус самому президенту – он может претендовать на лавры второго Феодосия Великого. Для настоящего императора – достойное украшение титула.

Третий вариант (компромиссный). Надо бы начать дискуссию о переименовании «вечного огня». Пусть он будет не вечным, а мемориальным. Это просто. Милицию в полицию было и сложнее, и дороже переименовать, однако справились.

День Победы: светское vs религиозное

Может ли День Победы стать полноценным светским праздником? Как освободить его от парарелигиозных ритуалов? Когда речь идет не только о жизни, но и о смерти, без религии не обойтись. Любой секуляризм становится религиозным. «В отношении к смерти раскрывается и определяется понимание жизни в конкретной культуре»⁷⁸, – заметил протопресвитер Александр Шмеман.

Бог держит человека в Своей памяти потому, что Он помнит его. Бог помнит каждого из нас, и мы живы и не выпадаем из памяти Божией, даже переходя в мир иной. И наша молитва друг за друга не прекращается, даже если нас разделяет смерть.

Можно ли ожидать развития таких церковных форм сохранения исторической памяти и мемориализации мест упокоения, которые будут в полной мере традиционными и в то же время убедительными для современного человека? Этот вопрос стоит не только в отношении Дня Победы, но и в связи с почитанием новомучеников и исповедников Российских.

⁷⁸ Шмеман Александр, прот. Литургия смерти и современная культура. М.: Гранат, 2013. С. 26.

Проповедь и поклонение в информационном обществе (Пророк Иона и путь волхвов)

79

Конференция, на которой мы с вами собрались, – событие историческое. В мае 2014 года представители Поместных Православных Церквей *впервые* собрались для обмена опытом и обсуждения проблем, связанных с особенностями церковной проповеди в условиях информационного общества. Да, я не оговорился – именно *впервые*, так как в последний раз православные журналисты собирались вместе пятнадцать лет назад, когда не было ни социальных сетей, ни мультимедийных форматов, а у большинства Поместных Церквей не было в то время не только опыта работы в интернете, но даже отделов информации или пресс-служб.

Я признателен организаторам – Межпарламентской Ассамблее Православия – за приглашение на конференцию и особо хочу поблагодарить за предоставленную возможность выступить последним. Я сделаю небольшое отступление и поделюсь с вами впечатлениями о том, что удалось и чего пока еще не удалось нам сделать в рамках заявленной темы.

Прежде всего я увидел огромное желание со стороны участников обсуждать затронутые проблемы не только в формате докладов и кратких вопросов к докладчику, но также и в формате презентаций и круглых столов, то есть в тех форматах, которые более ориентированы на диалог и обмен опытом. Надеюсь, мы найдем возможность продолжить начавшийся разговор.

Вместе с тем я должен с печалью и даже с горечью отметить, что сегодня наш разговор на тему «Церковь и СМИ» выстраивается в глубоко – я бы даже сказал «*безнадежно*» – секулярной перспективе. И миряне, и духовенство, и епископат используют язык информационного общества для описания нашей деятельности без каких бы то ни было попыток адаптации к церковному контексту и пренебрегают задачей осмыслить реалии информационного общества в богословской и церковно-практической перспективе.

Будем ли мы способны исправить эту ситуацию? Я оптимист и готов ответить «да», но при условии, что будут предприняты серьезные усилия по развитию богословия образа⁸⁰, богословия общения (коммуникации)⁸¹ и теозэстетики⁸².

* * *

Мир, в котором мы живем, значительно отличается от того мира, в котором жили многие поколения наших предков. Но еще важнее осознать другое: наш мир значительно отличается от того мира, в котором происходило формирование и последующее развитие церковной традиции и христианской культуры в самом широком смысле этого слова.

Стремительное развитие различных технологий к концу XX века радикально изменило наш образ жизни и нашу картину мира. Бытовая техника освободила нас от повседневных забот, на которые люди тратили много сил и времени на протяжении веков. У человека появилось много свободного времени для общения. Отвечая на потребность в общении,

⁷⁹ Доклад на конференции «Христианство-Православие и средства информации в современном мире». 12–14 мая 2014 года. Салоники.

⁸⁰ Опираясь, например, на концепцию иконичности Валерия Лепехина, но необходим и критический анализ деяний VII Вселенского Собора.

⁸¹ Опираясь, например, на статьи Александра Филоненко и курс «Церковь в информационном обществе. Богословие коммуникации» автора настоящего доклада, прочитанного на богословском факультете ПСТГУ в 2009–2013 гг.

⁸² Опираясь, например, на работы Дэвида Харта «Красота бесконечного. Эстетика христианской истины» и священника Иоанна Пантелеймона Мануссакиса «Бог после метафизики. Теологическая эстетика».

новые информационно-коммуникационные технологии дают возможность мгновенно передавать сообщения практически в любую точку мира, формировать и управлять кругом своего общения в социальных сетях, общаться анонимно и псевдонимно. Все это очень важно, но не это главное.

Образ мира у современного человека формируется не столько в личном общении, сколько на основе информации, полученной в общении опосредованном, медийном. В этом есть и плюсы, и минусы. Но главная проблема, поставленная, но еще не осознанная современным обществом, – это доминирование теоретических знаний над практическими навыками. Мир, воспринимаемый через призму медиа, становится фрагментированным, клиповым. При оценке событий доминируют эмоции или идеологические установки, нравственная составляющая, как правило, игнорируется, появляются невиданные ранее возможности манипуляции человеческим сознанием, предаются забвению христианские ценности.

И это не только философские проблемы. Не менее важно изучать их богословские, пастырские и церковно-практические аспекты.

Вырастает уже не первое поколение людей, которые очень много знают: как устроена атомная электростанция и какие музыкальные композиции находятся в чартах последнего месяца, какие заявления делает Администрация президента США и в каком зоопарке мира вчера родились сумчатые медведи коала, и многое-многое другое...

И вместе с тем все труднее современному человеку проявить сострадание и любовь, помочь ближнему.

Не в последнюю очередь это связано с новостями, и в особенности с телевизионными новостями. События легче показывать, чем анализировать и комментировать. Выражаясь языком тележурналиста, гораздо сложнее показать растущее дерево, чем дерево, вырванное тайфуном. Необходимо иметь навык, чтобы видеть событие и его контекст, эмоциональный всплеск и глубокое чувство, различать факт и комментарий.

Новости предельно обостряют ключевые вопросы христианской апологетики. Образ современного мира, который в новостях складывается из войн, катастроф, криминала, политических и социальных конфликтов, лишает человека точки опоры и делает проповедь Божественной любви, действующей в истории, невероятно трудной.

По сути, телевизионные новости – это самая яркая иллюстрация слов Спасителя из Евангелия от Матфея: *услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам... по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь* (Мф. 24:6–7).

Эсхатологический характер телевизионных новостей усиливается их ежечасным повторением. Современный человек не каждый день читает Священное Писание, не каждую неделю слышит хорошую проповедь, но каждый час он имеет возможность увидеть катастрофу, трагедию или преступление как главную новость дня. В результате окружающий мир выглядит более страшным и опасным, чем он есть на самом деле. Из новостей исчезает красота мира. Здесь я имею в виду красоту не как эстетическую категорию (с этой точки зрения телевидение задает, а порой и навязывает нам моду и предпочтения), а красоту как одно из центральных понятий христианского богословия, ту красоту, которая призывает нас познать Творца.

Том Фентон, один из авторитетных американских журналистов, утверждает, что новостные СМИ, работающие с установкой на развлечение, а не на образование, не просто безответственны – они опасны.

В качестве иллюстрации приведу пример того, как информация из развлекательных новостей влияет на церковную жизнь. Несколько лет назад на российском телеканале НТВ в первый день Великого поста я увидел сюжет из серии «а сегодня у православных аборигенов начинается Великий пост». В этом сюжете для наглядности была представлена инфографика:

«От чего православные отказываются во время поста». На экране возникает кусок мяса, и потом его перечеркивают по диагонали красными линиями. Затем возникают молочные продукты, и их тоже перечеркивают. Затем возникают яйца – то же самое. Затем возникают морковь и помидоры – тоже запрещены. Тут я с удивлением поднимаю бровь, но бодрый голос за кадром поясняет: «Нельзя, потому что они красные, а это цвет Крови Христовой. Поэтому нельзя». Я от души посмеялся наивному и в то же время провокационному дилетантизму корреспондента.

Однако это не конец истории. Через пару недель я читал лекцию в нескольких сотнях километров от Москвы и оказался свидетелем любопытного разговора. Два священника обсуждали пастырские вопросы, и один другому говорит: «Знаешь, я в этом году впервые столкнулся с тем, что на исповеди бабушки каются в том, что ели в пост морковь и помидоры. Никак не могу понять, с чем это связано». Другой удивленно говорит, что тоже никогда с этим не сталкивался и даже предположить не может, в чем причина. Если бы я сам не видел в эфире тот сюжет, то и я был бы столь же озадачен. К счастью, я смог объяснить им причину: эти бабушки посмотрели телеканал НТВ, и, поскольку со времен Советского Союза они привыкли *доверять* тому, что говорят по телевизору, им трудно поверить, что корреспондент менее компетентен в вопросах церковных правил, чем они сами. Но проблема остается: любое сказанное с экрана слово, в том числе и безответственное, может повлиять на церковные практики.

В информационном обществе человек как никогда прежде оказывается отчужденным от реального мира. В библейском смысле слово *познать* означает «вступить в общение». Между тем безличная информация о мире и даже о страдании других людей не воспитывает сопричастности, делает человека посторонним наблюдателем. Этот навык «постороннего» мешает нам осознать присутствие, действие в современном мире воплотившейся Любви Божией.

Установка на «плохие новости», которые развлекают зрителя, приводит к тому, что не только слова, но и устоявшиеся визуальные образы стремительно теряют свой вес и значение. Все чаще они лишь описывают или иллюстрируют события, становятся штампами, используются для пропаганды или подкрепляют различные идеологические установки, но никак не помогают понять и осмыслить происходящее. Жан Бодрийяр как-то справедливо заметил: «Информации становится все больше, а смысла все меньше»⁸³.

Для того чтобы проиллюстрировать этот тезис, сравним два изображения: фреску «Сошествие во ад – Воскресение Христово» из монастыря Хора, XIV век, и рисунок (карикатуру) современного автора на тему Воскресения Христова. На протяжении веков вера воспринималась как действие, которое обязательно предполагает участие, вовлеченность, сотрудничество Бога и человека. На фреске XIV века это изображается невероятно экспрессивно: Господь протягивает Адаму – и в его лице всему человечеству – Свою руку, и Адам вкладывает в Его руку свою, отвечая на призыв Спасителя. Но сегодня даже центральное событие – воскресение Христово – не вызывает потребности участия, современный человек довольствуется наблюдением со стороны, ролью *постороннего*.

И в этой ситуации Православная Церковь, к сожалению, тоже не избежала *соблазна постороннего* и организовала свою жизнь и деятельность по примеру крупных корпораций. Вместо богословского осмысления вызовов современного мира Церковь предпочла сделать главный акцент в своей информационной деятельности на пиаре, то есть согласилась использовать не только глубоко секуляризованные понятия «духовно-нравственного возрождения», «традиционных ценностей» и т. п. взамен евангельских слов и понятий, но и технологии манипулирования сознанием.

⁸³ Baudrillard Jean. In the Shadow of the Silent Majorities, or, The End of the Social, and Other Essays. Translated by Paul Foss, John Johnson and Paul Patton. New York, Semiotext, 1983. P. 95.

Успешно использовать такую подмену можно только при условии, что содержанием церковной проповеди становится не живая вера, а идеология, то есть набор смыслов, правил и соответствующих им практик, которые можно продвигать как товар.

Полагаю, нам очень многое предстоит сделать, чтобы изменить сложившуюся ситуацию.

Пророк Иона

Между тем слово *Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4:12).

Несколько лет назад, в 2004 году, когда я разрабатывал концепцию и проводил первый православный фестиваль СМИ «Вера и слово» в России, перед организаторами встал вопрос: кого избрать нашим небесным покровителем? И выбор был сделан достаточно неожиданный. На первый взгляд неожиданный. Пророк Иона.

Каждому православному христианину хорошо известен эпизод чудесного спасения Ионы из чрева кита. Этот яркий прообраз трехдневного Воскресения Христова использует Сам Спаситель (см. Мф. 12:39 и Лк. 11:30–32). Господь Иисус Христос восстал «из чрева адава» подобно тому, как Иона вышел «из чрева китова». Именно поэтому совсем недавно, на Вечерне Великой Субботы, мы читали Книгу пророка Ионы. Этот образ вошел и в православную гимнографию.

Но в повествовании о пророке Ионе нам важно увидеть и подчеркнуть еще один аспект. Полагаю, что он особенно важен для тех, кто так или иначе связан со средствами массовой информации. «Иона – замечательный пример творческого, напряженного и порой весьма драматичного сотрудничества Бога и человека в деле проповеди Слова. Пророк призван возвещать Слово Божие людям, и в то же время он – не пассивный и безвольный посредник-медиатор, а сознательный участник, пропускающий Слово через свой разум и сердце. Но Бог ждет не только этого. Точнее, Он готов не только к этому – Он терпит немощь и сопротивление человека, чтобы Слово Божие всецело стало Словом Человеческим»⁸⁴. Так ветхозаветные пророки готовили мир к Новому Завету, ко встрече со Словом, Которое стало плотью (Ин. 1:14).

История Ионы – это образ служения Слову. Слово трудно, неуместимо, от него хочется бежать, его тяжело нести – именно таким, несущим тяжкое бремя Слова, изображает Иону наша миниатюра, но Слово невозможно и угасить, выбросить из сердца.

Примечательно, что судьба пророка Ионы как небесного покровителя фестиваля «Вера и слово» оказалась недолгой. После того как в 2010 году организация фестиваля перешла от журналистов (редакции газеты «Церковный вестник») к пиарщикам и церковным чиновникам (Синодальному информационному отделу), пророка Иону сразу же заменили на апостола Павла. Им было трудно понять и принять этот образ. И в этом тоже есть духовный смысл и неожиданный символизм: церковной бюрократии не близок образ смятенного, постоянно сомневающегося и протестующего пророка.

Сегодня многим гораздо ближе и понятнее «линейный» сюжет: да, Савл был гонителем учеников Христа, но по дороге в Дамаск Господь ему открылся, и с тех пор апостол Павел неустанно проповедует и служит Слову.

⁸⁴ Сорокин Александр, прот. Пророк Иона. Неопубликованное эссе из архива автора.

Путь волхвов

Программа нашей конференции составлена так, что все доклады связаны масс-медиа и журналистикой, однако я убежден: такой вполне традиционный для XX века подход сегодня недостаточен, он весьма существенно нас ограничивает.

Еще раз подчеркну: в информационном обществе важную роль играют не только слова, но и визуальные образы. И Церковь призвана обратить самое пристальное внимание на всех, кто создает образы. Это не только иконописцы и церковные архитекторы. Это и художники, и скульпторы, и дизайнеры, и широкий круг тех, кто участвует в создании игрового и документального кино, это театр, музыкальные шоу, уличные представления, выставки и многое другое.

Необходимо задать себе и друг другу важный вопрос: как наше время войдет в историю Церкви и мировой культуры? Будет ли наш вклад ограничен исключительно копированием образцов предыдущих эпох (пусть даже профессиональным и достойным) или православные христиане смогут создать новые благодатные образы, стили и направления, которые позволят говорить об уникальном вкладе наших современников в сокровищницу христианской культуры? Сегодня это открытый вопрос.

Литургические искусства находятся в кризисе, потому что источником для них являются Божественная литургия и Евхаристия, но разговор о том, как Церковь сегодня видит и понимает богослужение, а также роль епископа, священника и мирянина в нем, только начинается. По крайней мере у нас в России. И вопросов здесь больше, чем ответов. Если мы пассивно участвуем в богослужении, плохо понимаем его строй и содержание, то наивно полагать, что литургические искусства, которые основаны *на видении и понимании* литургии, могут переживать расцвет.

И далее проблем не меньше: до какого предела Православная Церковь будет отступать под напором массового производства церковного ширпотреба, где в погоне за «лучшей» (низкой) ценой производители без сожаления жертвуют не только качеством, но и церковным каноном, и даже православной традицией, а храмы и церковные магазины не задумываясь распропагантят такой церковный товар?

Эти вопросы непосредственно связаны с учением Церкви. Можно ли говорить, что вопросы богословия образа и иконопочитания закрыты на VII Вселенском Соборе? Если рассматривать негативный сценарий, то распространение массовой церковной продукции крайне низкого качества может привести к потере не только благоговения перед святыми образами, но и к утрате самой способности читать и понимать язык иконы, образы православной гимнографии, символику храма. В результате в православной среде может возникнуть новое иконоборчество. Хотелось бы ошибаться, но предпосылки для этого есть.

В конечном счете, есть немало художников и деятелей культуры, которые готовы к диалогу с Церковью. Но приглашает ли их Церковь к этому диалогу? Какие задачи Церковь может перед ними поставить, чем привлечь?

Наш опыт проведения выставок христианского искусства в Москве показывает, что у Православной Церкви сегодня есть свое *современное искусство*. Но надо иметь достаточно мужества, трезвомыслия и мудрости, чтобы отказаться от разговоров о том, что церковное искусство – это исключительно копирование образцов прежних эпох. Живая традиция церковного искусства представлена целой плеядой ярких, состоявшихся художников и иконописцев, кино- и театральных режиссеров, музыкантов, композиторов, скульпторов... К сожалению, формат доклада не позволяет перечислить даже самые известные имена.

В последние годы в разных странах уже сформировалось целое направление, которое один из ведущих экспертов по церковному искусству Ирина Языкова назвала «Авторской ико-

ной». Это уже не эксперименты, а широкий спектр авторских стилей состоявшихся иконописцев, скульпторов, вышивальщиц, которые работают для современных храмов не только в России, но и в ряде других стран – Грузии, Сербии, Великобритании.

Православной Церкви необходимо не только международное сообщество православных журналистов (печально, что оно до сих пор не создано), но и сообщество христианских художников и искусствоведов. Нам необходимы совместные выставки не только музейных коллекций византийской или древнерусской иконы, но и современного христианского искусства – иконы, шитья, скульптуры, живописи, архитектурных проектов, дизайна.

В России такую задачу ставит перед собой Содружество в поддержку современной христианской культуры «Артос»⁸⁵. Это молодое содружество, созданное осенью 2013 года в Москве, по-своему уникально. Оно объединяет не только художников, но и всех, кто понимает необходимость развития современного христианского искусства.

* * *

Основой для сотрудничества Церкви с художниками и журналистами могут стать известные строки из Евангелия от Матфея: *Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариюю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну* (Мф. 2:10–11). В начале сотрудничества важно, чтобы возникло желание принести свой дар Христу. Но этого недостаточно. Волхвы не просто принесли свои дары Богомладенцу Христу. Они, как говорит Писание, *пав, поклонились Ему*.

Другими словами, приношение даров неразрывно связано с поклонением Спасителю. Готов ли художник, писатель, журналист искренне, исповедуя свою веру, поклониться Спасителю, принося свой дар? Если да, то на этом пути возможно развитие христианской культуры.

Я убежден, что в условиях информационного общества Церкви необходимо развивать богословие образа, богословие общения (коммуникации) и осмысленно строить свою культурную политику.

⁸⁵ Подробнее см. сайт содружества «Артос» – artos.org

Непорочная информация

86

Неудивительно, что торжества, посвященные семидесятилетию патриарха Кирилла, в церковный формат не уместились и приобрели общенациональный и даже международный масштаб. За время своего патриаршества он стал яркой и заметной фигурой не только в церковной, но и в политической жизни России. А церковная жизнь, особенно там, «наверху», теперь настолько тесно переплетается с государственной, что уже непонятно, где здесь одно, а где другое. Выглядит это немного странно, но вполне укладывается в логику развития событий последних лет. И очевидно, что государственная власть совсем не против.

Если говорить об образе празднования, то главным инструментом его формирования стали национальные СМИ и прежде всего государственное телевидение. Все телеканалы подготовили что-то эксклюзивное, посвященное патриарху Кириллу. На НТВ и Russia Today – эксклюзивные интервью, в «Воскресном времени» на Первом – специальный репортаж, где, кстати, слова «бог» и «церковь» написаны со строчной, а «Патриарх» – с прописной. Но это, конечно, ни в коем случае не новое богословие, просто корреспонденты и редакторы немного перестарались. На «России» и на Первом – большие документальные фильмы. И, конечно, были многочисленные репортажи и информационные сообщения.

Можно без преувеличения утверждать, что эти торжества, продлившиеся пять дней, сконструированы как центральное событие уходящего года. По крайней мере для Русской Православной Церкви.

Но была ли в таких исключительных торжествах какая-то необходимость? Что такого случилось в этом году? Да, 2016 год оказался для патриарха Кирилла особенным. Прежде всего, состоялась первая в истории встреча патриарха Московского и папы римского в Гаване. Рядом стоит Святой и Великий Собор Православной Церкви на Крите, к которому Русская Церковь и лично патриарх Кирилл активно готовились, но в последний момент решили не ехать. Эти события получили большой резонанс, но в первом случае в центре внимания был не патриарх, а папа римский Франциск, а во втором – Вселенский патриарх Варфоломей.

Отдельной новостью на официальном сайте «Патриархия.ру» опубликовано сообщение о том, что патриарх Кирилл получил пять тысяч поздравлений от пользователей сети «ВКонтакте» в рамках акции с хэштегом *#поздравьпатриарха*.

Принципиальное отличие дня рождения от перечисленных выше событий в том, что патриарху Кириллу ни с кем не надо делить кресло председателя собрания. Здесь он – единоличный хозяин ситуации, и все происходит так, как он хочет, так, как он сам решил. Все фильмы, все ключевые репортажи снимаются под идеологическим контролем Московской Патриархии.

Нетрудно заметить, что у всех информационных материалов о патриархе есть одна отличительная особенность: все говорят о нем или «описательно», или комплиментарно. Никакой серьезный анализ, никакой разговор о проблемах не предполагается. Только сам патриарх может позволить себе оценочные высказывания о себе самом и о проблемах церковной и общественной жизни.

Особо показательной стала встреча патриарха Кирилла с журналистами своего пула, которые постоянно освещают деятельность патриарха и прекрасно знают, что можно и чего нельзя говорить в разговорах с ним. Если отдельно прочитать формулировки вопросов, то больше всего эта стилистика похожа на официальную советскую журналистику 70–80-х годов.

И это многое говорит о состоянии Церкви. Характер церковной жизни изменился настолько, что епископат молча отступил, сдал свои позиции, и Архиерейский Собор остался

⁸⁶ Опубликовано 22 ноября 2016. <http://www.colta.ru/articles/media/13137>

на вершине власти лишь формально, по уставу, а вся реальная власть сконцентрирована в руках патриарха Кирилла.

День рождения должен это показать всем и убедить, если кто-то еще сомневается, что это так и только так. После празднования семидесятилетия патриарха ни у кого не должно остаться иллюзий насчет того, кто главный в религиозной жизни. Не должно быть сомнений и в том, кто главный среди религиозных лидеров на постсоветском пространстве. Все ключевые игроки были приглашены на торжества и видели все своими глазами.

Символическое значение этого празднования не меньше, чем у Собора на Крите. Если на Крите Церкви попытались продемонстрировать свое единство вокруг патриарха Варфоломея, то здесь другой формат единства – вокруг патриарха Кирилла. Остальные Православные Церкви располагаются по оси большей/меньшей лояльности той или другой стороне.

За пределами телевизора

Если с телевидением отношения вполне сложились, то с социальными сетями Московская Патриархия работает значительно хуже и понимает про них совсем немного. Отдельной новостью на официальном сайте «Патриархия.ру» опубликовано сообщение о том, что патриарх Кирилл получил пять тысяч поздравлений от пользователей сети «ВКонтакте» в рамках акции с хэштегом *#поздравьпатриарха*. Акция продолжалась девять дней, и это значит, что в среднем в день приходило менее шестисот поздравлений. Если учесть, что на официальную страницу патриарха в этой социальной сети подписано более трехсот сорока тысяч пользователей, то поздравило его менее 1,5 % от числа подписчиков. Результат, мягко говоря, довольно скромный и отдельной новости явно не заслуживает. У самой крупной православной группы «ВКонтакте» «Верую. Православие» более девятисот двадцати тысяч подписчиков, и если считать процент поздравивших от числа участников этой группы, то получается ничтожно мало – около 0,5 %. О чем это говорит? Или крайне неудачно проведена кампания, или популярность патриарха в социальных сетях очень низкая. Но зачем на официальном сайте писать об этих катастрофических результатах? Впрочем, мы еще раз получили подтверждение, что картина мира, которую формируют социальные сети, разительно отличается от той, которую транслируют государственные телеканалы.

За пределами России

В минувшее воскресенье, когда патриарх Кирилл отмечал свое семидесятилетие, папа римский Франциск дал большое интервью телеканалу TV2000 и радиостанции InBlu Radio. В нем понтифик признался, что каждый день молится словами св. Томаса Мора: «Даруй мне, Господи, чувство юмора!» Он говорит о том, как прекрасна молитва, в которой можно попросить о даре смеяться, когда тебе рассказали шутку. В этом же самом интервью он говорит о своей «аллергии» на лесть и льстецов. Безусловно, это совершенно случайное совпадение.

IV. Письма

Не бояться говорить о боли сердца

87

Сколько раз нужно увидеть убийство в новостях, чтобы оно примелькалось и мы перестали сопереживать? Двадцать раз, или двести, или, может быть, две тысячи? Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я знаю одно: с каждым разом, услышав о новом теракте в теленовостях, мы становимся все менее чувствительны к насилию и убийству. Зло проникает в нашу повседневную жизнь. И возникает естественное желание дистанцироваться, отстраниться от этого ужаса: я сейчас *здесь*, в своем доме, а все то, что мне показывают по телевизору, – *не здесь*, а где-то далеко.

На самом деле *далеко* – это не географическое понятие, это не про Европу и Ближний Восток, это не про расстояние между объектами. В понятии *далеко* главным становится духовное измерение. Это расстояние от моего сердца до сердца другого страдающего человека или даже до сердца, которое еще совсем недавно билось, а сейчас уже нет.

Но и географию еще никто не отменял. Для одних шоком стали события в Париже и Копенгагене, для других – в Хомсе и Маалюле, для третьих – в Донецке и Луганске. Как в Европе дети эмигрантов во втором поколении стали исламистами? Как оказалось, что украинцы и русские ведут многомесячную кровопролитную войну? На эти вопросы отвечают политики, но их ответы не кажутся слишком убедительными. Мы ищем ответы на эти вопросы в свете Евангелия и робко говорим о свободе и поиске смысла жизни.

Но надо говорить и о боли. Могу ли я позволить этой боли жить в моем сердце – или я всеми силами пытаюсь эту боль заглушить, прогнать? Входит ли эта боль в мою молитву – или живет отдельно от нее? Разрушает меня эта боль – или открывает новое измерение моей веры?

В начале XX века один русский монах, проживший всю жизнь на Афоне, получил откровение: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся!» Прошло почти сто лет, и эти слова, как и многие пророчества, разворачиваются во времени. Сегодня мы воспринимаем их не как личное откровение, связанное с обстоятельствами жизни конкретного человека. Эти восемь слов приобретают универсальный характер, становятся откровением *всему* человечеству.

Потоки новостей погружают наш ум в крошечную тьму. Телевидение, спутниковая связь, интернет... Теперь все трагедии мира разворачиваются у нас на глазах. И мы устаем сопереживать этому страдающему миру, погружаемся в отчаяние. Конечно, *усталость* и *отчаяние* очень удобны, когда необходимо понизить меру ответственности, когда тебя подталкивают: пусть сегодня будет чуть меньше свободы, чем было вчера, а завтра еще чуть меньше, чем сегодня...

Усталость, страх и отчаяние уводят нас от свободы прочь. Место веры стремится занять идеология, скрещенная с новой интерпретацией священных текстов и стремлением жить в жестких рамках парарелигиозных традиций. Якобы есть в этом строгость и простота, которые выгодно отличаются от хаоса современной жизни. И враг тот, кто предпочитает хаос... или другие религиозные традиции.

Но если кто-то назван врагом, то возможность встречи с ним становится исчезающе малой величиной. Более реальной становится война на уничтожение противника. Устоит ли Европа, как мы ее знали, или ее беззащитная красота, укорененная в христианской традиции,

⁸⁷ Ответ на письмо священника Хулиана Каррона. 19 февраля 2015.

погибнет? Судить не берусь, но это вовсе не значит, что нельзя формулировать и задавать эти вопросы.

Поросенков лог, «екатеринбургские останки». Письмо епископу N.

Несколько лет назад я написал письмо епископу N. с разъяснением своей позиции по отношению к обретению и почитанию останков членов Царской семьи, найденных в Поросенковом логе. К сожалению, этот разговор не получил продолжения, но за прошедшее время я не изменил своей позиции. Наоборот, считаю её для себя единственно возможной.

15 марта 2012 года

Память иконы Божией Матери, именуемой «Державная»

95 лет со дня отречения императора Николая II от Российского престола

Ваше Преосвященство! Дорогой о Господе владыка N.!

С радостью и благодарностью вспоминаю наше общение, когда мы имели возможность открыто и свободно в непринужденной обстановке обменяться мнениями по широкому кругу волнующих нас вопросов – и исторических, и церковно-практических. Искренний разговор, оставивший добрую память в моем сердце, побуждает меня продолжить общение в том же духе радости и любви.

<...>

Как Вы знаете, темой, связанной с убийством, сокрытием и обретением останков Царской семьи, я занимаюсь почти пятнадцать лет. В феврале 1998 года я впервые приехал в Екатеринбург по благословению блаженной памяти Святейшего Патриарха Алексия II и в преддверии февральского Синода готовил специальный репортаж про Ганину яму. В это время монастыря на Ганиной яме еще не было, одиноко стоял поклонный крест, и редкие группы паломников могли пробраться в зимние месяцы к этому святому месту. Сегодня мало кто об этом помнит. Затем я неоднократно бывал в Екатеринбурге, но особо отмечу еще одну поездку по личному благословению Святейшего Патриарха Алексия – в сентябре 2007 года, сразу после того, как было объявлено об обретении останков, впоследствии идентифицированных как останки вел. кн. Марии и цесаревича Алексия.

К сожалению, к этому времени в Екатеринбурге сложилась весьма странная ситуация, при которой никто из официальных представителей епархии не принимал участия в раскопках 2007 года и даже не интересовался ими.

Поисковые работы и археологические раскопки были проведены светскими организациями – местными краеведами, членами военно-исторического клуба «Горный щит», археологами и квалифицированными сотрудниками Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области и научными сотрудниками Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

В сложившейся ситуации Святейший Патриарх Алексей счел полезным направить меня для общения с теми, кто это останки обнаружил, чтобы получить своевременную и достоверную информацию из первых рук. Я своими глазами видел раскоп, в котором были обнаружены останки цесаревича Алексия и вел. кн. Марии, а затем осмотрел и сами останки. По итогам своей поездки я направил рапорт Святейшему Патриарху Алексию, и на его основе он благословил публикацию об останках в газете «Церковный вестник»⁸⁸.

Прежде чем перейти к практическим вопросам, считаю важным обозначить две ключевые проблемы и рассмотреть их более подробно:

1. Отношение к обретению останков Царской семьи и их слуг.
2. Признание подлинности останков Царской семьи и их слуг.

⁸⁸ Сергей Чапнин. Находка на Коптяковской дороге. Церковный вестник. № 6 (379), март, 2008. URL: http://e-vestnik.ru/db/nahodka_na_koptjakovskoy_4388 (дата обращения 03.04.2018).

Обретение останков Царской семьи и их слуг

Проблемы реконструкции и интерпретации трагических событий 17–19 июля 1918 года после расстрела Царской семьи в подвале дома Ипатьева имеют решающее значение. Об этом написано немало книг, как исторических, так и тиражирующих различные мифы и домыслы.

Сегодня параллельно существуют две решительным образом расходящиеся версии событий:

Версия № 1. Все без исключения останки были полностью сожжены (уничтожены) в шахте № 7 Четырехбратского рудника или рядом с ним в ночь с 17 на 18 июля.

Версия № 2. Останки не удалось уничтожить, и они были вывезены из урочища Ганина яма и сокрыты в ночь с 18 на 19 июля в Поросенковом логе под настилом из шпал, за исключением останков вел. кн. Марии и цесаревича Алексея. Последние были сожжены рядом на пригорке.

Автор первой версии – следователь Н. А. Соколов. Надо особо отметить, что версия № 1 возникла не во время проведения следственных действий в период до июня 1919 года, а значительно позднее – в середине 1920-х годов, когда Соколов находился в эмиграции во Франции. Как следует из изучения материалов следственного дела самого Н. А. Соколова, убедительных документальных подтверждений у этой версии нет.

Версия № 1 полностью опровергается результатами современных экспертиз: одиннадцать трупов невозможно было уничтожить тем арсеналом горючих и химических средств, которые Я. М. Юровский и И. И. Голощекин передали в распоряжение расстрельной команды. Это категорическое, однозначное заключение делают как российские, так и зарубежные эксперты. Мне неизвестны авторитетные мнения, опровергающие эту позицию.

Версия № 2 говорит о том, что останки не удалось уничтожить и их попытались вывезти из района оцепления на Ганиной яме. Однако автомобиль завяз в двухстах метрах от переезда № 184 в Поросенковом логе. Здесь, прямо на дороге под настилом из шпал, нашли место земного упокоения девять членов Царской семьи и их слуги. Останки вел. кн. Марии и цесаревича Алексея расстрельная команда попыталась залить кислотой и сжечь рядом на пригорке. Десятки исторических документов прямо свидетельствуют об этом и, более того, точно указывают место захоронения. Исследования показали, что нет никаких оснований не доверять этим источникам.

Казалось бы, если версия № 1 оказалась несостоятельной, то непримиримым противникам версии № 2 следовало бы разработать версию № 3, а не повторять снова и снова несостоятельные аргументы, превращая их в мифологию, предмет слепой веры вопреки известным фактам. Тем не менее за прошедшие годы не появилось ни одной сколько-нибудь убедительной «альтернативной» версии. Таким образом, версия № 2 стала по факту безальтернативной, а сторонники версии № 1 начали развивать и множить мифологические мотивы для оправдания своей несостоятельности.

Тем не менее общая логика, здравый смысл, изучение документов и непредвзятое отношение к фактам неминуемо приводят к тому, что версия о захоронении останков в Поросенковом логе – не только единственная, но и верная, истинная.

Я намеренно опускаю в данном случае аргументацию, об этом написано немало, однако если у Вас, Ваше Преосвященство, есть вопросы, я, безусловно, готов на них ответить.

Определение подлинности останков Царской семьи и их слуг

Правильно определить место захоронения и обрести останки – это важная, но не единственная задача. Как определить подлинность самих останков, как оценить качество и досто-

верность проведенных экспертиз? За краткостью письма не буду говорить об изучении собранных скелетов неразрушающими методами исследования, не буду говорить об изучении зубов, идентификационной экспертизе методом фотоналожения и экспертизе иных предметов, найденных на Ганиной яме и в двух захоронениях в Поросенковом логе. **Остановлюсь только на генетических экспертизах.** Это новое направление исследований вызывает немало вопросов и сомнений. Действительно, методы исследований «древней» ДНК фактически получили свое развитие во многом благодаря международным исследованиям «екатеринбургских останков».

Комплексные научные исследования и экспертизы останков проводились в период с 1994 по 1996 год и с 2007 по 2008 год. Полагаю, что исследования, разница между которыми – десять лет, стоит рассматривать отдельно. И причина здесь в том, что за десять лет существенно изменились методики исследования, а кроме того, после обретения останков цесаревича Алексея и вел. кн. Марии появились новые материалы для исследований. Соответственно, по-новому надо оценить объем, качество и результаты исследований.

Первые генетические исследования 1994–1996 гг. В эти годы опыт исследования «древних» ДНК был крайне мал, и полноценные исследования были возможны только по митохондриальной ДНК. Это позволяет выяснить степень родства по материнской линии. Рабочую группу тогда возглавил П. Л. Иванов (ныне лауреат Государственной премии). Первая экспертиза проводилась в лаборатории МВД Великобритании знаменитым специалистом Питером Гиллом. Заключение подтвердило большую вероятность того, что в захоронении находятся мужчина – родственник ныне живущих представителей Датского королевского дома (император Николай II – сын датской принцессы) – и женщина – ближайшая родственница Английского королевского дома (императрица Александра Федоровна – внучка королевы Виктории), три девушки, соответственно, оказались их дочерьми.

Отдельно следует сказать о редкой мутации митохондриальной ДНК, обнаруженной в генотипе скелета императора Николая II. Подозрения в том, что это не мутация, а результат некачественно проведенного анализа ДНК, полностью развеялись после того, как для сравнения были взяты образцы ДНК родного брата Николая II, вел. кн. Георгия Александровича. Исследования проводились в генетической лаборатории Пентагона, и генотипы братьев совпали, включая мутацию.

Дополнительная генетическая экспертиза, проведенная Е. И. Рогаевым, показала, что император Николай II и Т. Н. Куликовский-Романов – близкие родственники.

Генетические исследования 2007–2008 гг. велись одновременно независимыми экспертными группами в разных лабораториях. Первым приступил к исследованиям Майкл Коббл – начальник Идентификационной лаборатории ДНК вооруженных сил США. Параллельно с Кобблом вела работу лаборатория Вальтера Парсона из Инсбрукского медицинского университета (Австрия). Затем исследования провел ведущий российский генетик Е. И. Рогаев, причем группы Рогаева работали в Институте общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН в Москве и в Медицинской школе университета Массачусетса (США). Исследования проводились также в Екатеринбурге под руководством Т. Н. Цитович.

Это очень внушительный список исследовательских центров.

Задачи, поставленные перед генетиками, были существенно шире и сложнее, чем в 1990-е годы. Развитие науки позволило успешно идентифицировать степень родства как по женской линии (митохондриальная ДНК), так и по мужской (Y-хромосоме). Кроме того, исследовались не только останки, найденные в 2007 году, но и костные фрагменты всех девяти человек из первого захоронения 1991 года.

В полученных результатах не было никаких противоречий между различными исследовательскими группами. Более того, эти исследования не противоречили выводам 1990-х годов, хотя превосходили их по информативности и доказательности.

В результате генетических исследований установлено, что мальчик, останки которого нашли в 2007 году:

- по мужской линии принадлежал к роду императора Николая II и был его сыном;
- по женской линии принадлежал к роду английской королевы Виктории и был сыном императрицы Александры Федоровны.

Рогаев также доказал, что императрица Александра Федоровна, вел. кн. Анастасия и цесаревич Алексей были носителями страшной болезни – гемофилии.

Полученные данные были признаны всеми ведущими учеными мира, в том числе основоположником генетической идентификации Джеймсом Дьюи Уотсоном и лауреатом Нобелевской премии, ведущим мировым специалистом в области молекулярной биологии Маршаллом Уорреном Ниренбергом.

Все это невозможно просто проигнорировать. Я искренне убежден, что Церковь не находится в глубоком и безнадежном конфликте с наукой. Я убежден, что исторические факты и данные многочисленных – проверенных и перепроверенных – экспертиз могут стать надежной основой для вынесения компетентных суждений церковным священноначалием. Мифология и полуправда, которые в последние годы делали погоду в этой области, должны уйти в прошлое.

Владыка, я понимаю, что говорю о сложных научных вопросах кратко и поверхностно. Разобраться с ними по переписке крайне трудно. Однако заверяю Вас, если будет Ваша благая воля, я готов собрать ученых и представить Вам результаты исследований из первых рук. Я не раз получал заверения, что многие из них почтут за честь лично представить результаты своих исследований на специальном семинаре для представителей Русской Православной Церкви.

О позиции Священного Синода

Владыка, Вы мне пишете: «Обращаю Ваше внимание на то, что “екатеринбургские останки”, которые Вы именуете останками святых царственных страстотерпцев, таковыми Русской Православной Церковью не признаны». К сожалению, здесь, Владыка, Вы допускаете некорректное цитирование. Позвольте Вам привести точные цитаты из решения Священного Синода от 26 февраля 1998 года:

Пункт 2. «Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровержимости, не входят в компетенцию Церкви. Научная и историческая ответственность за принятые в ходе следствия и изучения выводы относительно “екатеринбургских останков” полностью ложится на Республиканский центр судебно-медицинских исследований Минздрава России и Генеральную прокуратуру Российской Федерации».

Пункт 3. «Решение Государственной комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье императора Николая II вызвало серьезные сомнения и даже противостояния в Церкви и в обществе».

Таким образом, Синод использовал крайне осторожные формулировки и «не вынес суждения» о подлинности останков, а не «не признал» их, как Вы пишете в своем письме. Согласитесь, это *принципиальная разница*.

Важно иметь в виду, что Священный Синод принял только одно решение по «екатеринбургским останкам» в 1998 году и с тех пор к рассмотрению этого вопроса не возвращался.

С тех пор прошло более четырнадцати лет, и возвращение к этому вопросу не просто возможно, но и необходимо. Полагаю, именно поэтому Священный Синод поставил вопрос о «екатеринбургских останках» в повестку дня Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви.

Отдельно следует упомянуть десять вопросов, которые были сформулированы в 1995 году в письме Святейшего Патриарха Алексия II в Правительственную комиссию и на имя

Генерального прокурора России. Подробные ответы на девять из десяти вопросов были переданы патриарху Алексию 15 января 1998 года, а ответ на последний вопрос – о месте захоронения останков цесаревича Алексея и вел. кн. Марии – был дан в 2007 году, после обретения и идентификации их останков.

Епископы Русской Православной Церкви Заграницей не раз ставили вопрос о необходимости рассмотреть новые обстоятельства обретения останков в 2007 году и материалы новых экспертиз и исторических исследований, однако никаких шагов в этом направлении до настоящего времени предпринято не было.

Мемориализация памяти царственных страстотерпцев

Теперь позвольте сказать несколько слов о проблемах мемориализации памяти царственных страстотерпцев.

Безусловно, в Екатеринбургской митрополии для этого многое сделано: построен Храм-на-Крови, основаны монастыри на Ганиной яме и в Алапаевске, ежегодно проходят Царские дни с многотысячным крестным ходом. За все это всем потрудившимся и подвигающимся – мои молитвы и низкий поклон.

Однако сделано далеко не все необходимое. Я убежден, что на Урале есть три серьезные и до сих пор не решенные проблемы, связанные с памятью царственных страстотерпцев в каждом из мемориальных мест:

Храм-на-Крови. Точнее, так называемая «мемориальная расстрельная комната» в Храме-на-Крови. Как Вы знаете, ее расположение не соответствует историческому подвалу дома Ипатьева, который находится приблизительно в семидесяти метрах в сторону от алтаря храма. Очевидно, что с этой ошибкой строителей уже вряд ли что-то можно сделать. Эту ошибку надо просто признать. Исправить ее, по всей видимости, уже невозможно.

Монастырь на Ганиной яме. Я очень тронут, что Вы повторяете мои слова о концепции мемориала без триумфа, мемориала, сохраняющего тишину и покой, и утверждаете, что такая концепция полностью реализована в монастыре на Ганиной яме. Действительно, это уникальный монастырь, однако, к моему великому сожалению, не во всем я могу с Вами согласиться. Дело в том, что сама Ганина яма сегодня пребывает в небрежении. Оказавшись в плену ложной этимологии, это место, где была предпринята попытка уничтожения останков, сохранило преимущественное название – Ганина яма. И в соответствии с этим представлением сам вид этого места – как ямы или какого-то «кратера» – представляется естественным. Однако если мы обратимся к истории, то окажется, что правильное название этого места – Четырехбратский рудник или Рудник Четырех братьев. Расстрельная команда пыталась уничтожить тела в шахте № 7 (по свидетельству следствия, это шахта глубиной двадцать восемь саженей). Но сегодня об этом никто не говорит. И, увы, мы не видим достойной и бережной мемориализации этого места. Владыка, прошу Вас, изучите возможность правильной и достойной мемориализации этого святого для всех нас места.

Поросенков лог. Владыка, обозначим время нашего разговора: февраль 2012 года. Сегодня нет никаких оснований – ни исторических, ни основанных на результатах экспертиз – сомневаться или уж тем более отвергать тот факт, что останки царственных страстотерпцев были обретены в двух захоронениях в Поросенковом логе в 1991 и 2007 годах. Владыка, в своем письме Вы с некоторым недоумением говорите о «безапелляционности» моего тона. Полагаю, что Ваша реакция связана лишь с тем, что Вам еще неизвестен весь комплекс исследований и открытий последних лет, подтверждающих подлинность останков из Поросенкова лога.

Поверьте, здесь совсем не в тоне дело – я говорю о вещах очевидных и научно обоснованных. Конечно, я не исключаю, что Вас могли ввести в заблуждение и у Вас нет полной кар-

тины происходившего в 1994–2009 годах в этой области. Со всеми проведенными исследованиями можно ознакомиться, и я готов оказать Вам в этом всемерное содействие, будь на то Ваша благая воля.

Сегодня о Поросенковом логе заботится только одна общественная организация – фонд «Обретение» Александра Авдонина, и сил фонда явно недостаточно, чтобы сохранить достойную память о том месте, где многие десятилетия были сокрыты останки Царской семьи и их верных слуг. Представители Церкви в мемориальной работе никак не участвуют.

Скоро наступит 2013 год, и уже сегодня – с молитвой, обстоятельно и без суеты – стоит начать подготовку к празднованию 400-летия дома Романовых. Следующий год будет отмечен и 95-летием трагических событий 17–19 июля 1918 года. Полагаю, что все мы призваны мужественно и духовно трезво оценить все то, что досталось нам в наследство от «бурных 90-х». С мифами надо раз и навсегда распрощаться, а правду – утверждать словом и делом. Святые мощи, пребывающие в забвении и небрежении, необходимо прославить, как это подобает Церкви.

О голосе Церкви

Наконец, о главном. Является ли признание «екатеринбургских останков» подлинными мощами святых царственных страстотерпцев всего лишь «экстравагантной» позицией Вашего собеседника? Могу Вам с уверенностью ответить: нет! Я не раз имел радость разделить молитву у святых мощей с мирянами, монахами, пастырями и архипастырями нашей Церкви.

Наш священный долг – хранить память и блюсти святыню. Я глубоко скорблю, что по нашему небрежению святые мощи, находящиеся в Петропавловском соборе и на хранении в Следственном комитете, до сих пор не почитаются как святые мощи. Неужели на Страшном суде нам будет брошен упрек в том, что мы лишь словами чтим память царственных страстотерпцев? Вот это почитание царственных страстотерпцев и одновременно непочитание их мощей, полное небрежение к ним – это грех, который лежит на нас.

Владыка, что мешает Вам признать «екатеринбургские останки»? Можете ли Вы сформулировать свои вопросы и сомнения? Признание – это свободный акт, в котором творчески соединяются разум и вера. И это акт глубоко личный. Именно из совокупности таких свободных актов веры вырастает соборность Церкви.

Давайте приложим все силы к тому, чтобы слава Божия через своих угодников и их святые мощи осияла нас с Вами, живущими в такое трудное, но благословенное время.

Мне всегда были дороги и близки сердцу слова апостола Павла о той любви, которая не радуется неправде, а сорадуется истине (1 Кор. 13:6). Я надеюсь, что в духе этой святой любви мы с Вами сможем продолжить начавшийся разговор.

Р. S.: К сожалению, наш разговор до сих пор не получил продолжения...

Трибуна свободной христианской мысли

89

В 2016 году, вскоре после смерти Никиты Алексеевича Струве, редакция «Вестника РХД» предложила мне поразмышлять о том, какие пути дальнейшего развития журнала я вижу. У нас состоялось несколько встреч и обсуждений, итоги которых я обобщил в своем письме в редакцию «Вестника».

Самым важным мне представляется разговор о будущем «Вестника РХД». Его прошлое было славным, многие издания могут ему позавидовать. И даже если сегодня все быстро забывается, вспомнить историю журнала не так сложно – достаточно просто открыть любой номер, и его лучшие публикации многое скажут современному читателю.

Однако сейчас, во втором десятилетии XXI века, вновь остро встает вопрос: какое периодическое издание может стать *трибуной свободной христианской мысли* для русскоязычной аудитории? Совершенно очевидно, что православным интеллектуалам необходимо свободное, честное, независимое издание о богословии и христианской культуре в современном мире.

Многие ждут и даже *жаждут* такого издания. Конечно, в последние два десятилетия появилось множество печатных изданий в России, возникли православные интернет-издания с большой и активной аудиторией. Но если говорить о духе издания, о деликатности, об интонации, об умении видеть живую связь Церкви и культуры, то, увы, им далеко до «Вестника РХД».

На наших глазах стремительно развивались социальные сети, и, пожалуй, самые содержательные дискуссии сегодня переместились в Фейсбук и, отчасти, Живой Журнал, однако этого недостаточно. Слишком узок круг их участников.

Надо признать, что в последние годы и сам «Вестник» сдал многие позиции: в некотором смысле редакция оказалась в растерянности или, точнее, утратила *остроту зрения* в отношении происходящего в Церкви и в современной культуре. Заметно упование на старый, сложившийся круг авторов и игнорирование новых, порой неожиданных событий как в церковной, так и в культурной жизни. Но и это детали.

После грандиозного и многообещающего периода, который был назван «церковным возрождением», Православная Церковь в России, несмотря на свой огромный творческий и богословский потенциал, вошла в период, который следует назвать *новым молчанием*. Более полувека назад о молчании – о *порочном молчании* – Церкви говорили священники Глеб Якунин и Николай Эшлиман в письме патриарху Алексию I (Симанскому). Как журналист и издатель, я вынужден признать, что история повторяется: в современной России, как и в советской России, такой журнал издавать невозможно. Снова Русское Зарубежье? Да, других вариантов я не вижу. В России такое издание невозможно по целому ряду причин. В последние годы Московскую Патриархию с некоторой долей иронии называют *однопартийной*. К сожалению, в этой шутке есть изрядная доля правды. В Русской Церкви громко и четко звучит только один голос – голос патриарха Кирилла. В унисон, совсем неотличимо звучат голоса официальных структур и официальных представителей Церкви. Другие голоса, безусловно, тоже есть, но они или молчат, или говорят шепотом. А результат один – они не слышны.

О том, что это болезненная ситуация, свидетельствуют многочисленные скандалы, связанные с Русской Церковью, которых, несмотря на жесткую информационную политику и не менее жесткую цензуру, становится только больше. Не стоит забывать, что за скандалами стоят острые нерешенные проблемы, как церковно-практические (приходской и монашеской жизни, духовного образования), так и богословские (экклесиологические, антропологические и др.).

⁸⁹ Опубликовано в «Вестнике РХД», № 206.

Мне не удалось реформировать «Журнал Московской Патриархии» таким образом, чтобы он был и официальным, и одновременно, во второй части – свободной площадкой для интеллектуальных и богословских дискуссий. Шанс был, но реализовать его не удалось. Портал Богослов.ру – яркий и серьезный научный интернет-журнал – последние несколько лет еле жив. Интернет-портал Православие.ру чувствует себя вполне благополучно за счет политического и административного ресурса епископа Тихона (Шевкунова) и выражает позицию консервативной, ориентирующейся на современное монашество, части аудитории. Портал «Православие и мир» не является средством массовой информации в традиционном смысле слова: он публикует всех и часто без разбора. Так что это скорее медиаплатформа, то есть площадка для выражения мнений, без внятной редакционной политики. Там может быть опубликован кто угодно. Не случайно в покровителях и спонсорах Правмира – скандальный министр культуры Владимир Мединский.

К сожалению, независимых средств массовой информации нет не только в нише христианских (православных) изданий. Независимые средства массовой информации в России невозможны в силу сложившихся политических обстоятельств.

Вернусь к вопросу, который я поставил в начале: какое периодическое издание может стать *трибуной свободной христианской мысли*? Первая часть ответа очевидна: то, которое будет работать за пределами России, но при этом для русскоязычной аудитории на всех континентах. Без всяких сомнений, во второй половине XX века таким изданием был «Вестник РХД».

Перейду к более сложной и, вероятно, довольно болезненной теме: почему в последние десятилетия «Вестник» постепенно терял свои позиции? И следующий вопрос: возможен ли новый или, точнее, обновленный «Вестник РХД»? Он очень и очень нужен, но вопрос стоит иначе: возможен ли?

Много факторов работают против: вновь умножаются разделения среди православных разных юрисдикций, в том числе и русской традиции; постепенно уходит то поколение авторов, которые были лицом издания.

Но главное, пожалуй, не это. У журнала уже есть своя большая история, и смелое и свободное переосмысление концепции может вызвать недоумение и даже недовольство тех, кто привык видеть его таким, каким он был последние сорок лет.

Новых самобытных, талантливых церковных авторов – богословов, историков, литературоведов и публицистов – крайне мало, практически нет. А те, что есть, очень разрознены. Заниматься *сбором* авторов – важная, благородная, но очень трудная и трудоемкая задача.

Наконец, нельзя не упомянуть организационную и финансовую стороны. Большинство из нас мыслят категориями самиздата или, в лучшем случае, печатного издания конца XX века. Еще двадцать лет назад многие читали православные издания взахлеб, от корки до корки. Это время ушло. Сегодня текстов очень много – идет самая настоящая борьба за читателя. Он будет читать только самое нужное, самое интересное, самое оригинальное.

Соответственно, и авторы сегодня хотят быть не просто опубликованными, а прочитанными, *услышанными* той аудиторией, к которой они обращаются. Печатный тираж в 300, 500 и даже 1000 экземпляров этой задачи не решает.

Поэтому сегодня необходимо *новое видение* «Вестника РХД», которое позволит понять и правильно оценить не только новую ситуацию в Церкви и в современной культуре, но и ту новую информационную и коммуникационную среду, в которой журналу предстоит развиваться. В частности, это предполагает новое понимание и аудитории, и средств общения с ней: активное использование интернет-сайта, социальных сетей, рассылок, распространения электронных версий журнала через книжные интернет-магазины и т. п. Только так можно достучаться до аудитории, которая тонким слоем размазана по всему миру.

Это сложные и затратные технологии, поэтому новое видение предполагает и ясное понимание «Вестника» как, простите, бизнес-проекта. Он должен именно *развиваться*, а не обрекать себя на скромное, возможно, даже бедное существование в рамках привычного бюджета.

Я далек от мысли, что редакция выберет путь медленного умирания, откажется от каких-либо перемен и, постепенно сокращая тираж, будет уповать на преданность старых читателей.

И если так, то предстоит большая работа по уточнению концепции издания. Надо попытаться увидеть главное и отделить «временное от вечного» применительно к «Вестнику». Важно увидеть свою новую аудиторию, понять, что ее волнует, что она ищет, на что она готова откликнуться, кто для нее – авторитет и кто – нет.

В заключение поставлю еще один вопрос: должно ли новое издание быть или, точнее, оставаться *правозащитным*? Мой ответ: да. И, более того, сегодня вновь на этом должен быть сделан акцент. «Вестник» должен в меру сил поддерживать и защищать православных интеллектуалов, неважно, в сани они или нет. Многие из них находятся если не в опале, то в довольно двусмысленном положении. Публичность для них – одно из средств выживания.

И, наконец, последнее. Какими бы решительными и взвешенными ни были действия редакции и ее друзей, изменение концепции – это всегда риск. Действительно, может не получиться. И в наши времена этот шанс довольно велик. Но это означает лишь одно – нельзя останавливаться, надо продолжать поиски. Иначе и не бывает – настоящее, живое издание всегда находится в творческом поиске. Но бывают периоды, когда этот поиск должен быть более интенсивным.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

